

**АНДРЕЙ
КОНСТАНТИНОВ**

ЖУРНАЛИСТ



Бандитский Петербург

Андрей Константинов

Журналист

«АСТ»

1996

Константинов А. Д.

Журналист / А. Д. Константинов — «АСТ», 1996 — (Бандитский Петербург)

Расследуя странное самоубийство лучшего друга, Андрей Обнорский оказывается на Ближнем Востоке, где попадает в водоворот кровавых событий. Пытаясь разобраться в причинах трагедии, он слишком много узнает о деятельности наших спецслужб за рубежом. Теперь перед ним два пути – сотрудничество или смерть...

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Часть I	13
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Андрей Константинов

Журналист

© А. Константинов, 2007

© ООО «Астрель СПб», 2007

* * *

От автора

Я посвящаю эту книгу всем советским военным и гражданским советникам, специалистам и переводчикам, в разное время работавшим во многих странах мира, – живым и мертвым, тем, кто смог вернуться и найти свою дорогу в жизни, и тем, кому на это не хватило сил. Посвящение не распространяется на тех, кто предал всех, когда-то деливших с ним кусок хлеба, кров, даривших тепло; кому нет прощения, потому что они перестали быть людьми, превратившись в оборотней. Многие мои бывшие коллеги поймут, к кому это относится.

Книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, – художественное произведение, поэтому все, изложенное в ней, – авторский вымысел, а фактура не может быть использована в суде. Любые совпадения с имевшими место реальными событиями – случайны, а расхождения – наоборот, закономерны.

На самом деле все происходило не совсем так, как описано в романе. Возможно, в действительности все было еще страшнее и тяжелее. Может быть, именно поэтому я так долго не мог написать эту книгу.

Пролог

Октябрь 1990 года

Рейс Аэрофлота Москва – Триполи

– ...Палестинец, хочешь воды? Палестинец! Ты что, спишь? Выпей воды, она вкусная... Тебе бесплатно налью.

Маленький грязный мальчишка с пластиковой пятилитровой канистрой в руке с любопытством смотрел на Андрея. Обнорский огляделся – кроме него и уличного разносчика воды, на крошечном пятачке у Нади Дуббат¹ не было ни души. Солнце, ветер с песком, мрачная пустая улица, вспыхивающая тысячами отблесков от стреляных автоматных гильз, и внимательные черные глаза мальчишки... Аден... Господи, неужели опять Аден?! Это ведь все уже было однажды...

Обнорский с трудом оторвал голову от нагретой белой стены, привалившись к которой он полусидел-полулежал:

– Где я?

Мальчишка, будто не слыша вопроса, продолжал тянуть свое:

– Выпей воды, палестинец, она сладкая, мой дедушка привозит ее из волшебного источника Бир аль-Айюн², тайну пути к которому знает он один. Выпей воды, палестинец.

– Я не палестинец... Я русский офицер... Помогите мне встать, мальчик.

Ощущение опасности вдруг затопило Обнорского, он потянулся рукой к лежавшему рядом в нагретой солнцем пыли автомату, но чья-то нога в щегольском высоком офицерском ботинке наступила на ствол...

Андрей поднял глаза – мальчишка исчез, вместо него перед Обнорским стоял майор Мансур, улыбался недобро, сминая в острые морщины коричневую кожу на своем волчьем черепе:

– Товарищ Андрей... Как поживаешь? Здорова ли твоя семья?

Ласково-вежливый тон Мансура плохо вязался с уставившимся Обнорскому в лицо черным зрачком пистолета. Андрей чувствовал, как его тело, закрытое от солнца зеленой палестинской формой, начинает обволакивать липкая испарина страха.

– Ты удивляешь меня, переводчик. Сначала ты казался мне умнее. Зачем ты вмешиваешься в чужие дела? Абду Салих погиб от несчастного случая и собственной неосторожности – зачем ты хочешь оскорбить память покойного подлым подозрением его друзей? Почему ты надел форму палестинского офицера? Может быть, ты не тот, за кого себя выдаешь? У нас не любят шпионов...

«Сейчас выстрелит, сейчас...» Обнорский, задыхаясь от слабости и ужаса, на мгновение прикрыл глаза, но через секунду сделал над собой усилие и разлепил веки. Мансур исчез. Вместо него на пустой улице стоял Кука – точно такая же, как у Андрея, палестинская форма красиво облегла его худощавую фигуру. В правой руке Кука держал пистолет:

– Извини, братишка, – служба. – Кука улыбнулся и выстрелил Обнорскому в голову.

Время замедлилось, исчезли звуки. Андрей видел, как медленно и бесшумно выкручивается из ствола тупая пуля, как плывет она к его голове... Вспышка, боль, чернота, снова вспышка, снова чернота... Потом под веками в черном киселе начали плавать оранжевые, малиновые и зеленые шары, которые, сталкиваясь, взрывались холодными разноцветными искрами. Откуда-то пришел голос. Знакомый голос. Кто говорит?

– Не прикидывайся, ты меня узнал. У нас мало времени, слушай внимательно...

¹ Нади Дуббат – Клуб офицеров (арабск.).

² Бир аль-Айюн – Колодец глаз (арабск.).

Да, конечно, Андрей его узнал. На пластиковом стуле у его кровати в госпитале министерства обороны НДРЙ³ сидел резидент ГРУ полковник Грицалюк собственной персоной и по своему обыкновению что-то быстро жевал, не переставая говорить. Слова его журчали и сливались в какой-то гипнотизирующий рокот, до сознания Обнорского докатывались лишь обрывки фраз:

– ...Проявить благоразумие... сложная стрессовая ситуация... неправильные выводы и неадекватная реакция... серьезное ранение, стресс и потеря крови... отсутствие свидетелей... внебюджетное финансирование...

Грицалюк душил Андрея своим журчащим рокотом. Обнорский, задыхаясь, хватал ртом воздух, как вытщенная из воды рыба.

– ...ненужная драматизация... лишние проблемы... отсутствие выбора... просто забыть... должен согласиться...

«Должен согласиться? Ни за что! Сволочи!!!»

– Согласен... – хрипит Обнорский пересохшим горлом. – Дайте воды...

Грицалюк вскакивает и подбегает к двери в палату:

– Пропустите к нему водоноса!

...Снова черные глаза мальчишки напротив.

– Дай воды, мальчик...

Мальчишка покачал головой и начал выливать воду из канистры на пол:

– Ты не палестинец...

Госпитальная палата исчезла, осталось лишь ощущение обиды и чувство стыда... Пить... Как хочется пить...

...Свежая, еще не обустроенная могила на Домодедовском кладбище – на самом краю Москвы. Кто здесь похоронен? С фотографии, закрепленной на могильном холме, смотрит Илья. Это его могила. Но почему же тогда он стоит рядом с могилой и смотрит Обнорскому в глаза?

– Илюха... Ты что, живой?

Илья улыбается и качает головой.

– Илья... я обещаю тебе... – Обнорский говорит запинаясь, еле выдавливая из себя слова.

Илья предостерегающе вскидывает руку:

– Запомни, Андрюха, ты мне ничего не должен...

Обнорский задыхается от жажды, язык царапает гортань, слова обдирают горло наждачной бумагой:

– Ты спас мне жизнь тогда, в восемьдесят пятом...

Илья качает головой и улыбается.

– Илья, зачем ты ушел? Зачем ты это сделал? Зачем?

Илья снова качает головой, но на этот раз уже без улыбки:

– Все было не так. Ты же сам уже это знаешь. Ты не забыл, что я никогда не пил пива с креветками? Вспомни... И я сейчас все тебе расскажу...

Илья вдруг двинулся к Обнорскому прямо через холм собственной могилы.

– Стой! Не подходи, Илья! Не дотрагивайся до меня!

Илья остановился, посмотрел на Андрея с удивлением и улыбнулся:

– Ты что, Палестинец, до сих пор мертвых боишься? Не бойся...

– Не подходи!!! – беззвучным ртом кричит Обнорский.

...Кладбище исчезает... Темнота... Редкие оранжевые вспышки... Ровный, спокойный механический гул... Жажда... Горло словно забито песком... Пить...

³ НДРЙ – Народная Демократическая Республика Йемен.

– Эй, браток... Браток, ты в норме? – Андрея тряс за плечо сосед, представившийся при посадке Витей – летчиком из Джофры.

Витя, как и Обнорский, отмотал уже в Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии два года и сейчас возвращался из отпуска, проведенного в Союзе, на последний, решающий виток. Больше трех лет подряд советские офицеры в Ливии находиться не имели права – исключения, конечно, бывали, но Десятое Главное управление Генштаба шло на них с большой неохотой – невидимая очередь из офицеров, желающих заработать за границей, растягивалась на многие годы...

– Ты в порядке? – Летчик Витя участливо заглядывал Обнорскому в глаза. – Приснилось что-то?

Андрей огляделся: салон «Ту-154» был заполнен чуть больше чем наполовину. Из Москвы вылетали рано, поэтому пассажиры в основном спали, отходя от традиционных русских проводов, – да еще в страну с сухим законом. Несмотря на хорошо работавшую вентиляцию, салон самолета был полностью напоен непередаваемым букетом самых разнообразных перегаров.

– Приснилось, – ответил соседу Андрей. – Я кричал что-нибудь?

– Кричать не кричал, а стонал очень жалобно, – ухмыльнулся Витя. – Что, не хочется обратно в Джамахирийку?

– Не хочется, – честно ответил Обнорский. – Совсем.

Летчик вздохнул:

– Да кому охота... Платили б дома по-людски, кто бы туда поехал... Ты-то хоть в Триполи сидишь: какой-никакой, а все же город. А у нас в Джофре – каждый день одно и то же кино и все про пустыню эту сраную... Я своего инженера неделей раньше туда из отпуска провожал – так он в Шереметьеве белугой ревел, ага... Хорошо хоть, что не при погонах были...

Обнорский вздохнул и вытер испарину со лба. Кошмар короткого сна ушел, но сердце продолжало бухать в груди, как после долгого бега.

– Слушай, Витя, у тебя попить ничего нету? Сушняк во рту, будто лошади насрали...

Летчик крикнул и достал из пластикового пакета две банки пива:

– Выручу уж, чего там... Давай, братишка. На посошок пивком отполируемся...

Холодное пиво уняло противную похмельно-нервную сухость во рту и дрожь в руках. Андрей расслабился. Похмелье было ощутимым, но вполне терпимым. Учитывая, что последние три дня он пил, что называется, вчерную, могло быть и хуже. Майор Витя через несколько минут задремал, стиснув в руке пустую банку из-под «Хейникена», а Обнорский закурил, откинувшись в кресле, и, покусывая нижнюю губу, начал думать.

«Что же делать?.. В самоубийство Ильи я не верю – не таким был парнем Новоселов, чтобы вот так, ни с того ни с сего себя газом травить... Да еще в Триполи... Да еще накануне прилета из Союза Ирины... Только те, кто плохо знал Илью, могли считать его свихнувшимся на войне интернационалистом...»

Обнорский знал, что Новоселов сумел переломить свой «йеменский синдром». Или только думал, что сумел?..

Андрей вспомнил постаревшую, опухшую от слез и водки вдову Ильи... Бред какой, в двадцать пять – вдова... Когда Обнорский увидел Ирину, Илью уже месяц как похоронили, а она все еще не отошла... Обнорского Ирина сначала не хотела пускать в квартиру, потом долго кричала ему в лицо какую-то обидную, несправедливую бабскую чушь, потом, выпив водки, истерично хохотала, давась сигаретным дымом... Предсмертное письмо Ильи она все-таки почитать Андрею дала, вернее, не дала – швырнула в лицо смятый, покоробленный высохшими слезами голубоватый листок, заполненный твердым, убористым почерком. Обнорскому уже приходилось пару раз читать записки самоубийц – когда-то в Йемене в контингенте советских военных советников и специалистов вспыхнула настоящая суицидная эпи-

демия... Письмо Ильи отличалось каким-то странным внутренним спокойствием и даже неким жутковатым лихачеством:

«Ирина, прости и не осуждай. Не терзай себя – ты тут абсолютно ни при чем, все дело во мне. Когда ломается внутренний стержень, жизнь становится невозможной. Видимо, во мне не хватило силы сопротивляться прошлому – оно настигло меня и сделало жизнь мучением. Сейчас мне уже легко – решение принято и обратного хода нет. Извинись перед всеми, и пусть меня не поминают плохо – подлостей я никому не делал, а своей жизнью могу распорядиться сам. Жаль, что не увижу больше Россию, Москву, – все это снится мне каждый день. Сегодня видел сон, как сижу в „Жигулях“ и пью пиво с креветками... Утром даже вкус во рту ощущал. Да ладно, видно, не судьба... Я прошу – прости меня и живи легко. Твой Илья».

Число, подпись – и все это четко, аккуратно, со всеми запятыми и без единой грамматической ошибки. Именно это сразу очень не понравилось Обнорскому – принявший решение на уход человек обычно настолько взвинчен или, наоборот, подавлен, что это отражается на почерке и на орфографии. А тут такое впечатление, что Илья был спокоен, как танк. Обнорский споткнулся еще на чем-то в письме Новоселова, но размышлять об этом у Ирины не стал – она то плакала, то проклинала всех подряд и Илью тоже... (Родина, как обычно, сделала для вдовы своего офицера «все что могла»: валютный счет Ильи был заморожен во Внешэкономбанке, но Ирине пообещали, что часть денег ей, может быть, вернут, но не в долларах, а деревянными, по официальному курсу. А пенсия ей не полагалась – детей у Новоселовых не было, да и погиб Илья не при исполнении, а сам на себя руки наложил... Так что осталась Ирина у разбитого корыта – ни мужа, ни денег, ни даже работы: собираясь к Илье в Ливию, она, естественно, уволилась с Московского радио, где работала корреспондентом, место это тут же было занято.)

...На Домодедовском кладбище Андрей с трудом разыскал могилу Ильи. На ней не было пока ни креста, ни обелиска. Ограды тоже не было. На невысоком холмике, размытом начавшимися осенними дождями, сиротливо и жалко лежала маленькая плитка из дешевого гранита. На плитке была закреплена фотография Ильи в форме, а под ней выгравирована лаконичная надпись: «Капитан Новоселов Илья Петрович 17.03.1962–25.08.1990».

Обнорский достал из кармана плоскую бутылку джина «Бифитер» (этот джин был их любимым напитком в Йемене, плоские бутылочки там называли «ладошками», их удобно было таскать в заднем кармане), плеснул немного на могилу, потом в три глотка опорожнил полбутылки. Джин пился легко, словно вода, его не хотелось ни запивать, ни закусывать. Андрей закурил и присел на корточки, глядя на фотографию Ильи. Он никогда не видел Илью в советской военной форме – теперь вот только сподобился, на могильной фотографии... Андрей сделал еще несколько больших глотков, «закусывая» их лишь табачным дымом, и почувствовал, что его наконец-то начало цеплять. Внутреннее напряжение спадало, глаза заслезились. Обнорский обхватил голову руками и начал легонько раскачиваться, сидя на корточках, взад-вперед. Уткнувшись лицом в колени, он начал негромко постанывать, словно напевая какой-то жуткий мотив:

– Что же ты, Илюха, что же ты, что?!

Если бы кто-нибудь видел сейчас Обнорского со стороны, он непременно решил бы, что парень – тронутый. Но рядом с могилой никого не было.

Андрей допил джин и поднялся. Он снова взглянул на фотографию Ильи и вздрогнул – ему вдруг показалось, что губы Новоселова шевельнулись... Нет, это просто капля дождя скользнула по портрету. Тем не менее у Обнорского екнуло сердце, и он шумно перевел дух.

Что-то не отпускало его от могилы, в мозгу билась какая-то важная мысль. Алкоголь, растекаясь по жилам, уже не пьянил, а, наоборот, помогал концентрироваться. Письмо Ильи... Что-то там очень не понравилось Обнорскому. Почерк... Стил... Что-то еще, какая-то важная деталь... Пиво с креветками! Ну конечно же – пиво с креветками!

Андрея бросило в жар: Илья не мог видеть во сне, как пьет пиво с креветками. Новоселов ненавидел креветки, у него на них была аллергия, он не раз рассказывал Обнорскому об этом в Йемене. Когда-то давно, еще курсантом Военного института, Илья отравился несвежими креветками, причем как раз сидя в «Жигулях», с тех пор от одного упоминания об этих «дарах моря» Новоселова мучили рвотные позывы... «Но это же значит... Господи...»

– Елки-палки, – хрипло сказал Обнорский, глядя в неподвижные глаза Ильи на портрете... По фотографии стекали капли начавшегося дождя, и казалось, что лицо Новоселова меняет выражение...

...В тот день Андрей напился до полного бесчувствия, напился – пожалуй, даже не то слово. То, что Обнорский сделал со своим организмом, может быть, лишь частично выразит неприличный глагол «нахерачился»... Оставшиеся недели отпуска Андрей провел в Ленинграде, стараясь ни о чем не вспоминать и ни о чем не думать. Он инстинктивно давал себе отдых перед... Перед чем? Не думать, не думать, не вспоминать...

За три дня до отлета в Триполи Обнорский приехал в Москву, получил в Генштабе документы, оформил билет, а потом запил по-серьезному на хате, в которой жил тогда еще один трипольский «переводяга» – Серега Вихренко, приехавший в отпуск неделю назад. Эта «квартирка-капкан» на Каширском шоссе передавалась офицерами-переводчиками друг другу по наследству и пользовалась у жильцов пятиэтажной «хрущевки» дурной славой. Она либо месяцами стояла пустой, либо гудела чудовищным, крутым и совершенно беспределельным разгулом, да и постояльцы были в ней какие-то странные – молодые, вроде бы русские, но все какие-то чернявенькие, с угрюмыми глазами... Милиция, которую жильцы «хрущевки» время от времени вызывали, чтобы унять ночные дебоши с громким визгом девок и ревом незнакомых песен, почему-то хулиганов в отделение не забирала... А потом снова несколько месяцев подряд двухкомнатная квартира стояла пустой...

...Воспоминания о предотъездном загуле были обрывочными и смутными: Андрей с Серегой в ресторане сняли каких-то девок – якобы студенток педагогического... А может, и не якобы, студентки-то пошли такие, что... Естественно, не обошлось без драки – Обнорский, глянув на разбитые костяшки правого кулака, смутно припомнил, как бил кому-то морду во дворе дома на Каширке, хрипел что-то матерное насчет «тыловых крыс». Вихренко с трудом оттащил его от уже неподвижного толстомордого мужика, что-то не так сказавшего Андрею... Утром Сергей поднял Обнорского, собрал и отволок в аэропорт – по неписаной традиции, все заботы об отправке товарища брал на себя тот, кто оставался в Союзе. Серега в ту ночь и не ложился даже, чтобы не проспать... Через четыре недели кто-нибудь из «переводяг» так же проводит Вихренко.

...Сосед-летчик мирно сопел, продолжая стискивать рукой пустую банку из-под «Хейника». Андрей потер рукой левый висок и вернулся к вопросу, от которого «закрывался» весь отпуск. Зачем в своем предсмертном письме Илья упомянул пиво с креветками? Ответ был простым и страшным – Новоселов давал сигнал тревоги, предупреждая кого-то, кто хорошо его знал и мог прочитать письмо, о вынужденности своих действий. Значит, его заставили уйти. Заставили написать прощальное письмо, накрыться одеялом и, открыв вентиль газового баллона, дышать через резиновую трубку газом... Но кто? Кто мог его вынудить на это? Истихбарат?⁴ Непохоже: они так тонко не работают, да и зачем им было это делать? Смысл? А если

⁴ *Истихбарат* – служба ливийской контрразведки (арабск.).

свои? Но опять же – зачем? Своим проще было бы выдернуть Илью в Москву, если уж его в чем-то подозревали, «выпотрошить» там как следует и в случае крайней необходимости красиво и аккуратно инсценировать несчастный случай. Нет, тут вообще что-то другое, только вот что? Очень похоже на чью-то частную инициативу... Зачем? И почему Илья согласился сыграть по этим нотам?

С каждым новым возникающим в мозгу вопросом Обнорский все больше мрачнел и все сильнее машинально тер рукой левый висок – там, где пять лет назад скользнула по черепу пуля Куки, просыпалась тупая боль, Андрей уже чувствовал ее приближение и знал, что через несколько минут навалится приступ, боль будет терзать его минут тридцать, а потом отпустит, надо только вовремя таблетку принять. С 1986 года Обнорский всегда носил с собой таблетки от головной боли, хотя приступов иногда не было по полгода, но все же... Боль имела обыкновение приходить в самый неподходящий момент.

«Может, поговорить с нашими особистами? А почему это не сделал сам Илья? Не успел? Или у него были серьезные резоны не доверять им? А я расскажу? Илью подставлю? Мертвых уже не подставишь... А если он закрывал кого-то живого? Фраза о кроватках могла быть адресована кому-то очень своему – ну да, я ее и получил. Наверное, кто-то еще мог бы ее понять, но получил-то ее я. Что же теперь, делать вид, что я ничего не понял?»

Обнорский снова вспомнил ту ночь в сентябре восемьдесят пятого, когда он, раненый и преданный, на одной ненависти (сил уже не было) полз через расстрелянный, залитый кровью Аден... Если бы не Илья тогда...

«Не вспоминать! Забыть, забыть, забыть!»

Андрей заставлял себя не вспоминать о Йемене – ничего хорошего эти воспоминания не несли, от них сердце начинало молотить как сумасшедшее, и хотелось напиться до полной отключки, до черноты, до нуля, так, чтобы в пьяном забытии уже не привиделся давнишний йеменский кошмар...

«Значит, придется мне попытаться самому Илюшины загадки разгадывать... Только как? И вообще, реально ли это? И не помчусь ли я потом с разгадкой к Илюше в гости – вместе радоваться? Но других-то вариантов нет. Не могу же я на самом деле забыть...»

Забыть, забыть...

От принятого решения на мгновение стало легче, но потом боль в левой половине головы проснулась окончательно, она потекла с виска на лоб, потом опустилась на левый глаз и запульсировала оранжево-красным цветом... Обнорский достал таблетки и, морщась, нажал кнопку вызова стюардессы, чтобы попросить стакан воды...

Показавшаяся в конце салона фигура бортпроводницы кого-то напомнила Андрею... Да, конечно, чуть поплотнее, правда, но все же очень на Лену похожа, и волосы такие же – как это он не заметил сразу при посадке... Лена... Перед глазами мелькнул расстрелянный аэрофлотовский «рафик» в Кресенте, у морских ворот Адена, растрепанные волосы и растерзанная блузка Лены, ее дрожащий голос: «Ты... тебя ведь зовут Андрей... Это ты, Андрюша?»

«Не вспоминать, не вспоминать!» – едва не закричал в голос Обнорский, поднял взгляд и обмер. Перед ним с непередаваемым выражением на лице стояла Лена – повзрослевшая, чуть пополневшая, но все же – она... И вот тут прошлое прорвало все шлюзы памяти и с головой накрыло Андрея...

Часть I

Палестинец

*...И оглянулся я на все дела мои,
которые сделали руки мои, и на труд,
которым трудился я, делая их:
и вот, всё – суета и томление духа,
и нет от них пользы под солнцем!..*

Ветхий Завет, Книга Екклесиаста, гл. 2, стих 11

...Заканчивался октябрь 1984 года. Советский Союз глубже увязал в бессмысленной и жестокой афганской войне, весь западный мир гневно осуждал агрессоров и требовал вывода «ограниченного контингента советских войск». В ООН создавались специальные комиссии по афганскому вопросу, газеты и журналы печатали душераздирающие репортажи, с экранов телевизоров слово «Афганистан» летело к зрителям десятки раз за день. За всей этой шумихой почти не освещенным осталось то обстоятельство, что советские офицеры и солдаты выполняли «интернациональный долг» во многих других развивающихся странах, причем число этих стран измерялось не единицами, а десятками. Но если на Западе кто-то где-то хоть немного и слышал об этом, то в Советском Союзе единственным известным мирным обывателям сортом «интернационалистов» были афганцы... Об остальных знали лишь те, кому это положено было по долгу службы, да близкие родственники, которых, впрочем, предупреждали о том, чтобы лишнего они не болтали...

...Студент пятого курса восточного факультета Ленинградского государственного университета имени товарища Жданова Андрей Обнорский летел в столицу Южного Йемена Аден. Моторы самолета гудели мирно и ровно, за бортом была глубокая ночь, но спать Андрею совсем не хотелось – сказывалось возбуждение. Впервые за двадцать один год жизни он покинул рубежи Родины.

С каждой минутой все дальше и дальше оставалась осенняя Москва, заплаканные родители, Маша...

Вспомнив о жене, Обнорский закурил и начал нервно покусывать нижнюю губу. Похоже, был прав отец, говоря перед свадьбой: «Торопиться ты, сынок. Хотя – тебе жить, тебе и решения принимать». Маша тоже училась на восточном, только тремя курсами старше Андрея, ее специальностью были история Китая и китайский язык, а распределение она получила в Москву, в одну закрытую контору, которую на восточном факультете знали как «Спектор». Среди студентов циркулировали упорные слухи, что этот «Спектор» был одним из подразделений КГБ СССР, но чем занималась эта контора и что в ней делали выпускники восточного факультета – никто не знал. Кстати, попадали в этот «Спектор» в основном не выпускники, а выпускницы – на каждом курсе восточного факультета было около пятнадцати девчонок-москвичек, о которых все знали, что они «кагэбэшные целевички», то есть направленные на учебу в Ленинград по целевому направлению... Видимо, в этом был определенный резон: за пять лет учебы в Ленинграде москвички рвали все ненужные связи в столице и возвращались домой с минимумом московских контактов. Их будущих шефов это вполне устраивало.

У Обнорского закрутился с Машей сумасшедший роман, когда он был на втором курсе, а она на пятом. Потом Маша уехала в Москву, два года они перезванивались и изредка виделись – Андрей приезжал на каникулы, иногда по выходным. А потом они решили пожениться, наверное, не столько из-за любви, сколько из-за боязни боли от приближавшегося разрыва.

Свадьба, состоявшаяся в марте, мало что изменила в их отношениях, видятся чаще они не стали: Андрей не мог бросить учебу, а Маша – работу. Кстати, даже после свадьбы Обнорский практически ничего нового о работе своей жены не узнал, на все вопросы она отвечала коротко: «Ничего особенного, в основном занимаемся переводами». И все. Все так все... Жизнь у молодоженов пошла своим чередом. Вот только семьи не было. Какая, к черту, семья, если живут врозь, в разных городах, а муж даже толком не знает, где жена работает и чем занимается? Когда Андрей заполнял анкеты, оформляя документы для загранкомандировки, в графе «Место работы жены» он поставил сообщенный ему накануне пятизначный номер войсковой части... Обнорский был очень рад предстоящей командировке – он и пошел-то на восточный факультет, чтобы дальние экзотические страны повидать, а что в этих странах делать придется, его не особо волновало. Тем более что студентам толком никто ничего не объяснял. Как правило, после третьего или четвертого курса студентов – арабистов, афганистов и иранистов – поголовно загребали на годичную практику в страны изучаемых языков. Одни ехали по гражданской линии – учились год в местных университетах, другие, у которых с блатом было похуже, «гремели по войне» – то есть отправлялись военными переводчиками в многочисленные военные контингенты СССР в странах Африки и Ближнего Востока. Военных переводчиков для советских советников и специалистов катастрофически не хватало, вот и затыкали дыры студентами. Те, кто попадал на «практику» от Министерства обороны, возвращались обычно на факультет какими-то странными – молчаливыми, с непонятной горькой мудростью в глазах и карманами, набитыми деньгами. Деньги эти вернувшиеся из разных горячих точек ребята с каким-то непонятным остервенением пропивали по кабакам и общагам, но даже в кураже чудовищных загулов вернувшиеся старшекурсники мало что говорили своим младшим коллегам, у которых первые командировки были еще впереди. Много трепались и рассказывали про свои геройства лишь те, что на самом деле сидели при штабах, – они, кстати сказать, как правило, возвращались доучиваться с орденами или медалями. Только когда ребята сами наконец попадали на свои «практики», они, вспоминая рассказы старших, начинали понимать, что было враньем, а что – правдой. Только правду говорили редко – слишком уж она была жестокой, некрасивой и неромантической... Совсем неромантической. Из своей группы Обнорский уезжал предпоследним – остальные уже где-то месили сапогами песок арабских пустынь. Из одиннадцати студентов-арабистов выездная комиссия факультета не допустила до оформления документов двоих – Мишку Немцова и Обнорского. Немцов стал невыездным еще на втором курсе – всерьез и надолго. Мишка был круглым отличником, да вот занесла его однажды нелегкая на исторический факультет, где группа студентов развернула дискуссии по комсомолу – дескать, аморфная организация стала, надо что-то менять... Комитет государственной безопасности на эти милые шалости придурков посмотрел серьезно – Немцова хоть и не выгнали с «идеологического» восточного факультета, но на его карьере навсегда был поставлен жирный крест. Прегрешение Обнорского было явно меньше – он однажды засмеялся не вовремя на военной кафедре: шла конференция, посвященная сорокалетию Сталинградской битвы, и докладчик-полковник путал падежи, предлоги и ударения в словах. За этот смешок Андрей, тем не менее, схлопотал выговор с весьма угрюмой формулировкой: «За глумление над памятью отцов, павших в Сталинградской битве». Быть бы и Обнорскому невыездным навеки, да вмешались какие-то крупные начальники Маши из Москвы. К тому же некомплект переводчиков в странах Ближнего Востока к 1984 году составил чуть ли не пятьдесят процентов – и из Главного управления кадров Министерства обороны СССР полетели директивы: оформлять и отправлять всех кого можно – хулиганов, двоечников, хромых, слепых, сифилитиков, дебилов... Индульгенция не коснулась лишь категории «антисоветчиков», в которую умудрился попасть несчастный Немцов. Это клеймо не смывалось ничем.

На предварительном собеседовании в Главном управлении кадров Андрея практически ни о чем не спрашивали – какой-то генерал-майор два часа извергал из себя маловразуми-

тельный водопад общих слов о высоком доверии Родины и «интернациональном долге». После этого собеседования Обнорский абсолютно не понимал, в чем будет заключаться его «практика», и, что самое печальное, ему даже не сказали, в какой именно «одной из развивающихся стран» (как было написано в документах) ему предстоит оказаться. Потом было собеседование в ЦК КПСС, где какой-то мелкий клерк так же неконкретно воодушевлял на что-то, но уже короче – в течение часа. И только в последней инстанции, в Десятом Главном управлении Генерального штаба, Андрей узнал, что его расписали в Народную Демократическую Республику Йемен, а если короче – в Южный Йемен, социалистический. (Был и «капиталистический». Северный Йемен – Йеменская Арабская Республика. Эти две арабские страны в то время находились в состоянии перманентного конфликта, периодически обострявшегося до кровавых пограничных стычек, однако и в Северном, и в Южном Йемене сидели советские военные советники. В то время такая ситуация никому не казалась дикой – в Десятом управлении, ведавшем посылкой советских офицеров в разные страны мира, знавали и не такое...)

Чем меньше дней оставалось до отъезда в Аден, тем мрачнее становилась Маша и тем более возбужденным делался Андрей. Ему хотелось вырваться в мир новых ощущений да и убежать от запутанных семейных отношений тоже... Какой же мальчишка не грезит о военных походах в далекие страны... А Маша, видимо, предчувствовала, что эта командировка окончательно поставит точку в их странных отношениях – точку в агонии любви, которую не смогли спасти даже штампы в паспортах.

Родители приехали из Ленинграда проводить Андрея в Шереметьево-2. Мать все время плакала, Маша держалась лучше, но ее платочек тоже вскоре промок, отец крепился, но был мрачен. Печальное настроение провожающих резко контрастировало с радостью Андрея, которую ему с большим трудом удавалось скрывать...

Пройдя таможню, Обнорский оглянулся в последний раз – все трое стояли, прижавшись друг к другу, они казались такими растерянными и беззащитными, что у Андрея екнуло сердце... Впрочем, он быстро отвернулся и пошел в буфет – успеть хлопнуть коньячку перед посадкой. Потом он часто будет вспоминать это прощание, но все это будет потом...

Самолет оказался полупустым, это очень удивило Обнорского, потому что билет в Аэрофлоте он получил с большим трудом: там почему-то говорили, что все места на Аден давно проданы. Андрей летел не в составе группы, а один – очередная смена в Йемене закончилась две недели назад, основная группа новеньких уже улетела, а на Обнорского все никак не давали добро – видно, решали где-то серьезные дяди, достоин он или не достоин выполнять «интернациональный долг».

В проходе между кресел появилась стюардесса, разносившая напитки, – молоденькая, с огромными голубыми глазами, чуть вздернутым носиком и короткими светлыми волосами. Андрей внимательно рассмотрел ее фигуру и даже расстроился – так она ему понравилась. Стюардесса была тоненькой, но без «французской» истощенности, все было на месте, и это «все» было настолько выпуклым, что очень хотелось потрогать.

– Чего желаете? – Стюардесса остановилась рядом с креслом Андрея и перечислила ассортимент напитков: – Вино, пиво, минералка, лимонад?

– Э... э... – Обнорский почему-то растерялся, сам на себя разозлился за это, а потом вдруг почувствовал, что краснеет.

Стюардесса, видимо, поняла, какое впечатление произвела на парня, и еле заметно улыбнулась. Ее улыбка была скорее не насмешливой, а... как бы это сказать... неосознанно довольной, что ли... Но Андрей этого не понял, насутился и вдруг неожиданно для себя самого ляпнул:

– А можно я еще немного подумаю? Я вообще-то не тупой, соображаю быстро, просто мне на вас смотреть нравится, и если я быстро выберу, то вы сразу уйдете...

Стюардесса фыркнула и оглянулась – большинство пассажиров уже спали, да и было-то их всего ничего.

– Меня зовут Андрей, – сказал Обнорский. – А вас как?

– Лена, – ответила стюардесса. Похоже, нахальство Обнорского не было ей неприятно, по крайней мере уходить она не торопилась.

– Лена, – серьезно начал Андрей, – проблема вот в чем. Я первый раз лечу за границу и очень волнуюсь. Заснуть явно не могу. Поэтому вы должны оказать мне посильную помощь.

Лена широко распахнула глаза:

– И что же я должна сделать, чтобы вы заснули?

– Э... э... – Андрей замялся, потом вдруг понял некую двусмысленность своей фразы и смешался окончательно. – Я имел в виду не то, чтобы... а даже наоборот. В смысле... Ну я подумал, может быть, вы мне что-то расскажете...

– Сказочку? – Стюардесса уже откровенно издевалась над Обнорским, и он, вздохнув, кивнул:

– Извините... Я, наверное, действительно похож на придурка... Я не хотел вас обидеть.

Лена рассмеялась, продемонстрировав шикарные белые зубы, оглянулась еще раз и вдруг, похоже неожиданно для себя самой, сказала:

– Ладно, я сейчас доразношу и подойду к вам, пассажир. Раз уж вы такой впечатлительный.

– Это не я впечатлительный, это вы – впечатляющая. Честно.

Лена хмыкнула и пошла дальше по салону, а Андрей полез за новой сигаретой. Обнорский удивлялся самому себе – что это на него накатило такое, раньше для него всегда было проблемой познакомиться с понравившейся девушкой, хотя уродом он не был, наоборот, девчонки сами проявляли к нему интерес, но тем не менее Андрей никогда не чувствовал себя с ними уверенно. Притом что на факультете его почему-то считали бабником, его сексуальный опыт был совсем небогат.

– Ну и что же вам рассказать? – Вернувшаяся Лена присела на краешек кресла через проход от Андрея.

– Не знаю, – ответил Обнорский. – Вы москвичка?

– Москвичка.

– А я из Ленинграда, – сказал Андрей и чуть было не ляпнул: «А вот жена моя – москвичка», но вовремя осекся. – Я в Йемен на практику лечу. На переводческую.

– Правда?! – удивилась Лена. – Вы знаете арабский?

– Да, – важно сказал Обнорский, но снова осекся, сморщил нос и добавил: – Если честно, то я не знаю, знаю я его или нет. Мы в университете классический арабский учили, а в Йемене, говорят, диалект такой, что ничего не понять... И вообще, я четыре курса только закончил и с живым арабом лишь однажды говорил, но этот араб – из эмигрантов, он в Союзе уже лет пятнадцать живет, на русской женился, сам наполовину русским стал. Так что, как я переводить буду – это еще вопрос. Могут и выгнать – говорят, такие случаи бывали.

– Ничего, – сказала Лена. – Все у вас получится. Я это чувствую.

– Спасибо, – улыбнулся Андрей и спросил: – А вы давно на международных линиях летаете?

Лена взглянула на часы, прищурила глаз и ответила:

– Да уж сколько... часа три уже как летаю.

– То есть?... – не понял Обнорский.

– Ну у меня это первый международный рейс. И я, кстати, тоже очень волнуюсь.

Они посмотрели в глаза друг другу и рассмеялись. А потом Андрей начал рассказывать Лене о своем факультете, об арабских странах – то, что им читали на лекциях об исламе и эпохе великих арабских завоеваний. Они проболтали минут тридцать, и, когда Лена наконец встала,

у Обнорского возникло странное чувство, что он уже давно знаком с этой девушкой. Чувство это было тем более странным, что о себе Лена практически ничего не рассказала... Андрей не заметил, как уснул после ее ухода. (Потом он очень жалел, что проспал посадку на дозаправку в Каире. Впрочем, в те времена отношения между Египтом и СССР были уже такими, что из транзитных самолетов все равно никого не выпускали, даже в аэропорт.)

Его разбудил яркий солнечный свет, бывший из иллюминатора. Самолет летел над морем, и невиданная яркость красок ослепила Андрея: сине-бирюзовое море, лазурно-голубое небо и густой желтый солнечный свет – все это было как на какой-то полузабытой картинке в детской книжке...

Стюардессы разносили завтрак.

– Как вы себя чувствуете, Андрей? – спросила Лена, ставя перед Обнорским небольшой пластиковый контейнер с куском курицы, сыром, маслом и чем-то еще.

«Интересно, – подумал Андрей, – как это она, проспав не более трех часов, умудрилась остаться такой свежей и жизнерадостной?» Обнорский оглядел Лену восхищенными глазами и ответил:

– Я чувствую себя прекрасно, потому что такая красивая женщина подает мне завтрак в такое солнечное утро. Может быть, я еще сплю?

Лена фыркнула и чуть зарделась:

– Вы завтракайте лучше, а то пока будете комплименты говорить – все остынет... Вас на вашем факультете специально учили девушкам головы кружить?

– Нет, – серьезно ответил Обнорский. – Это у меня природное. – И он погладил сам себя по черной, спутанной после сна шевелюре.

Лена засмеялась и хотела что-то ответить, но тут к ним подошла старшая бортпроводница, глянувшая на них со снисходительной улыбкой взрослого человека.

– Через два часа в Адене садимся, молодежь, – сказала она, и Лена сразу как-то засуетилась, смутилась и убежала в носовую часть.

Внизу показалась земля – прямая асфальтированная трасса, казалось, шла прямо через море, пересекая залив, на берегах которого раскинулся огромный город.

«Аден, – зажмурился Андрей. – Значит, я все-таки добрался сюда!» Обнорский не верил в это до самой последней минуты. Даже когда он садился в самолет в Шереметьеве, ему казалось, что в последний момент появятся какие-то угрюмые дядьки в плащах и шляпах и снимут его с рейса как идеологически не готового к сложной заграникомандировке.

Самолет качнуло, и он начал выполнять разворот со снижением. В салоне началась какая-то суеда с гигиеническими пакетами – там сидела группа строителей, возвращавшихся в Йемен из отпуска. Эта группа «квасить» начала, видимо, задолго до отлета, по крайней мере перед посадкой почти все мужики были уже практически «в ноль». Один из них ответил на замечание пограничного офицера:

– Только придурок полетит в Йемен трезвым. – И громко икнул в подтверждение своей мысли.

Теперь вся группа строителей («Интересно, – подумал Обнорский, – а что они там строят?») дружно блевала и материлась. Андрей почувствовал, как его прекрасное настроение начинает понемногу портиться...

Наконец самолет коснулся бетонки, и все сидевшие в салоне зааплодировали. Лена (Андрей узнал ее голос) объявила через динамик температуру воздуха за бортом. В Адене было тридцать пять градусов выше нуля. «Ого! – подумал Андрей. – В куртке, пожалуй, будет жарковато».

Он снял свою кожаную куртку, запихнул ее в сумку и остался в джинсах и светлой рубашке с галстуком. Насчет галстука его в Генштабе предупреждали особо – мол, если кто прилетает без галстука, то такого могут чуть ли не в тот же день выслать обратно в Союз,

как не справившегося с задачами командировки. Обнорский, правда, подозревал, что полковник-направленец в Десятом управлении, давая ему такие инструкции, мог просто хохмить (а чего же не поглумиться над салагой, который всему верит: скажи ему в противогазе полететь – полетит ведь), но рисковать на всякий случай не стал. Кстати сказать, в самолете он единственный и был в галстук, но он также был единственным, кто летел от «десятки» – все остальные пассажиры явно летели от каких-то других контор. Еще во время пограничного контроля Обнорский обратил внимание на то, что у него одного на руках служебный, синий паспорт, а у всех остальных – красные, общегражданские. Синий паспорт, выданный в «десятке», украшала на первой странице следующая надпись: «Предъявитель этого паспорта является гражданином СССР, командированным за границу. Всем гражданским и военным властям СССР и дружеских государств пропускать беспрепятственно и оказывать содействие предъявителю». Направленец, выдавая Обнорскому паспорт, прочел эту надпись вслух, после чего добавил: «Терять этот документ я тебе очень не советую, парень. Возникнут проблемы...»

Готовясь к выходу из самолета, Андрей проверил бумажник: синяя паспортная была на месте, рядом с ней был маленький листочек – прикрепительный талон в местную «физкультурную организацию», полученный Обнорским в ЦК вместо сданного на хранение комсомольского билета (деятельность политических партий среди иностранцев за границей была запрещена, поэтому партийные ячейки за кордоном именовались «профсоюзными организациями», а комсомольские – «физкультурными»).

В самолете постепенно становилось жарко, но пассажиров все не приглашали на выход. Андрей посмотрел в иллюминатор, пытаясь понять причину задержки. На летном поле толпились какие-то люди в темных рубашках и пестрых юбках. Они выстроились в некое подобие шеренги и, казалось, чего-то ждали. Наконец из-под самолета выкатилась платформа, на которую был водружен какой-то ящик. Шеренга пришла в волнение, забурилась, люди размахивали руками и что-то кричали. «Да ведь это гроб, – дошло до Обнорского. – Ни хрена себе... Значит, мы с покойником сюда летели...»

– Дурной знак, – тихо сказал кто-то из строителей, так же, как и Обнорский, прильнувший к иллюминатору. Соотечественники дружно обматерили коллегу за карканье, но настроение у всех как-то сразу упало.

Выход разрешили лишь через полчаса. Андрей выбирался из самолета последним. У трапа стояла Лена.

– Ну, – одновременно сказали друг другу Андрей и Лена и, смутившись, рассмеялись.

– Может, увидимся еще? – спросил Обнорский.

Лена пожала плечами. Андрей помялся немного, но спрашивать номер телефона в такой ситуации было, конечно, нелепо. Поэтому он тряхнул головой и выпалил:

– Удачи вам. Можно я поцелую вас на прощание? Спасибо.

Он не стал дожидаться разрешения или возражений, быстро прикоснулся губами к теплой нежной щеке девушки и кубарем скатился с трапа:

– Не сердитесь на меня! Прилетайте к нам сюда почаще!

Лена, смеясь, махала ему рукой и что-то говорила, но что именно – было уже не разобрать.

Если бы в эту минуту Обнорскому кто-то сказал, как переплетется его судьба с судьбой красивой стюардессы по имени Лена, он счел бы этот рассказ бредом сумасшедшего. Может быть, не так уж и плохо, что обычные люди не могут предугадать даже ближайшего своего будущего. Иначе жить на белом свете было бы очень страшно...

...Через несколько минут после выхода из самолета Андрей был уже насквозь мокрым. Казалось, он попал в баню, причем не в финскую сауну, а во влажную и душную русскую

парную. Рубашка и джинсы мгновенно прилипли к телу, а дурацкий галстук, казалось, стал самопроизвольно затягиваться на шее.

Обнорский подошел к платформе, на которую сгрузили багаж, нашел свой чемодан и огляделся.

Никто не торопился его встречать, как обещали в «десятке». Андрей стоял перед низеньким маленьким строением, совсем не похожим на международный аэропорт. На какое-то мгновение в душе Обнорского даже шевельнулось нелепое сомнение: а в Аден ли он прилетел?

Пассажиры сбились в две большие группы и сдавали свои красные паспорта каким-то уверенным дядькам в светлых рубашках и штанах необычного покроя – в Союзе такие на улицах еще не встречались.

Обнорский сунулся было к этим дядькам в крутых штанах, но они, увидев его синий документ, почему-то шарахнулись от него как от зачумленного:

– Военный, что ли? Это не к нам. Тебя свои встретить должны.

– А... кто свои-то?.. И где они?

– Там, – неопределенно махнули руками собиратели красных паспортов, отворачиваясь от Андрея. – После таможни...

Обнорский стиснул зубы, выматерившись про себя, и, подхватив чемодан и сумку, побрел к зданию аэропорта. Перед входом в это неказистое строение стоял маленький смуглый человечек в юбке, рубашке и вьетнамках на босу ногу. Андрей решил приветствовать первого встретившегося ему йеменца по всем правилам классического арабского, какому учили его в университете. Обнорский говорил несколько минут, объясняя, что он только что прилетел из Союза, что не знает, куда идти и что делать... По мере того как он говорил, лицо кучерявого человечка в юбке все больше вытягивалось – казалось, он напряженно пытался понять, чего хочет от него этот странный русский. Когда Андрей умолк, заговорил абориген. Его речь была настолько непонятной, что Обнорский едва не выронил чемодан. Несколько секунд Андрей и мужичок в юбке тупо смотрели друг на друга, а потом как-то воровато разошлись в разные стороны.

Обнорский присел на чемодан и решил перекурить. Его пальцы мелко подрагивали после первого опыта общения на живом арабском языке.

– Блядь какая! – сказал вслух Андрей после первой затяжки. – Переводчик приехал, называется...

Пробегавший мимо худощавый брюнет в странной форме песочного цвета удивленно оглянулся на Обнорского и остановился:

– Это кто тут матерится? Ты чей, хлопец?

Андрей вскочил с чемодана и с надеждой уставился на брюнета:

– А вы – русский?

– Почти, – хмыкнул брюнет. – Вообще-то я хохол, но тут мы все – русские. А ты-то кто такой?

– Я военный переводчик, – ответил Обнорский. – Из «десятки»... Там сказали – здесь встретят...

Брюнет удивленно покачал головой и протянул:

– Ну дела... Из «десятки», значит... Совсем там охренели, как я погляжу. Нас никто и не предупреждал, что ты прилетаешь... Повезло тебе, что меня зацепил. А то куковал бы тут долго. Переводчик, значит... Ну а я – твой начальник, референт Главного военного советника майор Пахоменко Виктор Сергеевич.

– Обнорский Андрей Викторович, – вытянулся Андрей, оправляя сбившуюся рубашку.

– Звание?

Обнорский замялся, потом пожал плечами:

– Я еще студент. Восточный факультет ЛГУ, на пятый курс перешел...

– Практикант?! – Референта перекосило как от зубной боли, а Андрей виновато кивнул – да, мол, практикант, виноват, исправлюсь.

– Ну и суки, – сказал Пахоменко. – Просто суки, и все.

– Кто? – не понял Обнорский.

Референт махнул рукой:

– Мы их как людей просили – пришлите переводчиков нормальных, в бригадах советники уже осатанели... В стране черт знает что творится... Прислали – три вагона практикантов да лейтенантов пяток... И тебя, такого красивого, в довесок...

Кровь бросилась Обнорскому в лицо, он стиснул зубы и по-бычьи наклонил голову:

– Я, товарищ майор, сюда не напрашивался!

Пахоменко усмехнулся и покрутил головой:

– Ишь ты какой горячий... А еще говорят: Питер – северный город, люди там все выдержанные и спокойные... Не обижайся – не в тебе дело. Я не сомневаюсь, что ты нормальный парень, и даже допускаю, что учился неплохо... Штука в том, что для адаптации тебе потребуется время. И ты в этом не виноват, как и все остальные, впрочем, тоже. Проблема в том, что у нас этого времени нет. А против тебя лично я ничего не имею. Пока. – Референт вздохнул и хлопнул Андрея по плечу: – Ладно, студент, бери барахло, и пошли на таможню. Повезло тебе, что меня встретил. Паспорт твой где?

Обнорский с облегчением отдал свой паспорт Пахоменко и подхватил багаж.

Местная таможня оказалась на удивление непридирчивой – после короткого диалога между референтом и таможенным офицером (Андрей снова не понял ни слова) в паспорте Обнорского появилась большая печать, а на багаж таможенник даже не взглянул.

Зал аденского аэропорта поражал своей невероятной загаженностью и теснотой. Прямо на закиданном окурками полу сидели и лежали дети, мужчины в юбках-футах⁵ и закутанные в черные балахоны женщины. Пахоменко уверенно лавировал между тел, коробок и тюков, и Андрей едва поспевал за ним. Они вышли из здания аэропорта на небольшую площадь, в центре которой лениво журчал фонтан, – тонкая струя воды била вверх из каменного глобуса.

– Вон, видишь, студент Андрюха, наша «тойота» стоит. – Референт показал на большой пикап желтовато-коричневого цвета. – Давай загружай назад свое барахло – и поехали... Водила подойдет сейчас, он, наверное, отошел «пепси» попить.

Обнорский закинул сумку и чемодан в «тойоту» и прислонился было к машине, чтобы передохнуть, но тут же отскочил от нее как ужаленный – поверхность автомобиля была горячей, как раскаленная сковорода.

Пахоменко засмеялся:

– Привыкай, студент. У нас здесь солнце знаешь какое? На капотах яйца жарить можно. Солнечная активность в восемь раз выше средней нормы по Союзу. Так что рекомендую без головного убора больше не ходить – мозги спекутся и волосы выппадают. А вот и водила наш идет...

Через площадь к ним подходил коренастый мужик средних лет в темных очках и точно такой же форме песочного цвета, как и у референта. Еле заметным вопросительным движением он слегка вскинул подбородок, а Пахоменко также еле заметно отрицательно качнул головой. Подошедший нахмурился, но тут же улыбнулся Андрею:

– Не понял... Сергеич, к нам пополнение? Новенький?

– Новенький, – ответил референт. – Из Питера. Знакомьтесь: Андрей – Геннадий...

Андрей пожал протянутую руку, а потом все залезли в «тойоту», внутри которой было жарко, как в духовке. Обнорский был уже мокрым насквозь, а на форменных рубашках референта и водителя лишь под мышками еле заметны были темные следы пота.

⁵ *Фута* – йеменская национальная одежда, мужская юбка.

– Ничего, – сказал Пахоменко, – сейчас поедem с ветерком – попрохладнее будет. Гена, давай в Мааскер⁶.

«Тойота» рванула с места так, что Андрея отбросило назад. Горячий ветер, бивший в открытые окна, казалось, лишь обжигал, но Пахоменко с видимым удовольствием подставлял под него лицо, покрытое желто-красным загаром. Мелькающие мимо улицы Адена производили на Обнорского удручающее впечатление – казалось, профессия дворника неизвестна в этом городе: везде пыль, песок, мусор, какие-то давленные жестяные банки в невероятных количествах, обертки, рваные полиэтиленовые пакеты. Сами улицы были тесными, кривыми и мрачными, стены домов украшали какие-то темные потеки, через каждые двадцать – тридцать метров на глаза попадались невероятно тощие козы и овцы, жевавшие какую-то бумажную рвань. Зелени почти не было. Редкие прохожие, как показалось Обнорскому, были одеты в неопрятные лохмотья... Конечно, Андрей знал, что Аден – это не Запад. Но все-таки увиденное его глубоко шокировало. «Вот тебе и заграница, – вертя головой, думал Обнорский. – Неоновые рекламы, небоскребы, бары, пальмы, сияющие витрины магазинов... Херня собачья...» Андрей разозлился на себя за ту наивную картину сказочной заграницы, которую рисовал сам себе: с первого взгляда Аден производил впечатление большой качественной помойки.

– Ну как, нравится? – Водитель Гена оглянулся на Обнорского, увидел его вытянувшееся лицо и захохотал с каким-то завывом, хлопая ладонью правой руки себя по ноге. – Ничего, Андрюха, с непривычки это всегда по мозгам бьет, а неделька пройдет – перестанешь все это говно замечать. В бригаду тебя распишут куда-нибудь в Мукейрас или Бейхан⁷ – оттуда будешь приезжать, тебе Аден Парижем покажется. Кстати, Сергеич, куда ты хлопца определять думаешь?

Референт неопределенно хмыкнул, отрываясь от своих каких-то не очень веселых мыслей:

– Мозга напряжем – думать будем... Мест полно – одна бригада другой краше. Придумаем чего-нибудь, без работы не останется...

Машина вылетела на прямое просторное шоссе. Гена еще больше прибавил скорость, и через пять минут впереди слева показалась серая длинная бетонная стена с какими-то невысокими строениями за ней.

– Ну вот и приехали. Это Мааскер аль-Хубара Тарик⁸. Жить будешь здесь. Тут и семейные живут, и холостяки, клуб есть, библиотека, кино крутят... Короче, жизнь бьет ключом...

«Тойота» легко съехала с шоссе прямо в ворота гарнизона. Собственно, назвать гарнизон этот небольшой клочок земли, огороженный бетонной стенкой, можно было лишь условно. Четыре трехэтажных квартирных дома для семейных, два длинных двухэтажных строения барачного типа – одно каменное, другое деревянное, и небольшой открытый кинотеатр – вот и весь гарнизон. Да рядом с кинотеатром был еще навес для автомобилей. (Позже Обнорский узнал, что бараки, в которых жили офицеры-холостяки, остались еще со времен англичан, покинувших свою бывшую колонию в 1967 году, а трехэтажки и кинотеатр построили уже советские военные строители, которых все поколения живших в них «интернационалистов» проклинали как могли. По ходившей среди офицеров легенде, возглавлявший строительство полковник был награжден орденом Красной Звезды – не иначе как за героическую экономию стройматериалов, ушедших неизвестно куда: серые трехэтажки буквально разваливались на глазах.)

⁶ Мааскер – военный лагерь (арабск.).

⁷ Мукейрас, Бейхан – провинции НДРЙ.

⁸ Мааскер аль-Хубара – военный лагерь (гарнизон) специалистов (арабск.). Тарик – имя собственное.

У ворот гарнизона прямо на земле сидел часовой – худой черный араб; он завтракал, черпая что-то рукой из большой алюминиевой миски. Рядом с ним на земле валялся автомат Калашникова, на въезжавшую в ворота машину бдительный страж даже не взглянул.

«Тойота» проехала вдоль каменного двухэтажного барака, обогнула его и остановилась.

Пахоменко потянулся и хрустнул суставами:

– Так, давай, Андрюха, выгружай вещи в дежурку, пусть они пока там полежат, а мы съездим в Аппарат, посмотрим, куда тебя распишут, а там и комендант вернется – получишь белье, койку и все прочее...

– Слышь, Сергеич, – сказал водитель Гена, вылезая из «тойоты», – сбегаю-ка я пока домой минут на десять.

– Давай, – кивнул референт, – только не больше десяти минут – надо в Аппарат поторапливаться, а то генерал там и так уже, наверное, на ноль всех умножает.

Пахоменко толкнул ногой дверь в дежурку и шагнул внутрь, следом за ним с чемоданом и сумкой протиснулся Андрей. Дежурка представляла маленькую темную комнатку, в которой с трудом помещались стол, две пружинные кровати с брошенными поверх сеток кусочками поролона, холодильник и шкафчик. В стене под окошком торчал кондиционер. На одной из кроватей валялся парень. Он был небрит, бос, мятая рубашка песочного цвета выехала из просторных линялых хэбэшных штанов, которые, видимо, после многократных стирок уже утратили свой первоначальный песочный колер. Увидев вошедшего референта, парень медленно сел на кровати и сунул ступни ног в стоявшие на полу «вьетнамки». От странного дежурного явно несло густым перегаром.

Пахоменко матюгнулся и оперся кулаками на стол:

– Володя, ты что, уже?.. С утра, что ли, пьете? На дежурство-то хоть можно в нормальном виде явиться? Нарветесь на Кузнецова – он вам таких бздей навтыкает, что и я вытащить не смогу... Прямо как маленькие, ей-богу...

Парень поднял на референта мутные глаза:

– А я не дежурю сегодня... Я Леху Цыганова подменяю – он с папатачи⁹ валяется...

Референт махнул рукой и оборвал дежурного:

– Через три часа все возвращаться будут – давай чтобы к этому времени кто-то трезвый сидел... И Леха, если у него папатачи, пусть дурака не валяет, а идет к доктору... А то моду взяли – лихорадку джином лечить. Только сердце посадите, и больше ничего.

Володя равнодушно кивнул, и Пахоменко обернулся к Обнорскому:

– Заталкивай шмотки под кровать и перекури пару минут, я тоже сейчас быстренько домой заскочу – и поедем.

Володя проводил референта взглядом и усмехнулся. По его лицу в полумраке дежурки трудно было определить возраст, но Андрею показалось, что этот парень если и старше его, то явно ненамного. Володю сильно старили похмельная помятость, угрюмый взгляд и легкие белые лучики морщин у глаз – такие бывают у тех, кому часто приходится щуриться на солнце.

– Ты что, новенький? – спросил Володя.

– Да, – ответил Андрей. – Только что прилетел. Обнорский Андрей, переводчик.

– У! Коллега, значит. Я тоже переводчик – Гридич Володя. Предлагаю дружить семьями.

Гридич с Обнорским пожали друг другу руки. Володя почесал растрепанную шевелюру, зевнул и спросил:

– Ну и как там Союз, как Москва – стоит еще?

– Стоит, – пожал плечами Андрей. – Куда ж она денется...

Гридич потер пятерней правый глаз и задал новый вопрос:

⁹ *Папатачи* – разновидность лихорадки; наиболее тяжелый период болезни – первые три дня (температура, озноб, бред и т. д.).

– А чего тебя Пахоменко привез? У нас вообще-то на встречи-проводы специальный переводяга выделен – Леха Толмачев, но с этим рейсом никого не ждали...

Обнорский хмыкнул:

– Наверное, из «десятки» забыли сообщить... А с Пахоменко я в аэропорту столкнулся – они там, как я понял, случайно оказались.

Володя как-то странно усмехнулся, снисходительно посмотрел на Андрея и устало сказал:

– В аэропорту? Случайно? Я тебя умоляю... Поживешь тут немного – поймешь, что никто нигде случайно не оказывается... А уж тем более в аэропорту... – Гридич нахмурился, как будто понял, что сболтнул лишнее, и переменял тему: – А куда тебя расписывают? Не говорили еще? Пахоменко ведь самый главный начальник над нами, переводягами.

Обнорский неуверенно качнул головой:

– Вроде про какие-то бригады говорили...

Володя присвистнул и оживился:

– Нашего полку прибыло... Еще одна бригадная скотинка... Это дело надо отметить.

Он извлек из-под кровати плоскую начатую бутылку джина и проворно начал свинчивать с нее красную пробочку:

– Извини, старик, тебе не предлагаю, тебе в Аппарат еще ехать, а мне поправиться не мешает...

Он сделал несколько смачных глотков прямо из бутылки, сморщился, помотал головой и просипел:

– Не пьянства ради, а здоровья для... Сам-то пьющий? Или – как?

– Выпиваю, – скромно, но с достоинством ответил Андрей, и Гридич удовлетворенно кивнул:

– Споемся... Я уже чувствую, что споемся... Так вот – бригады... Кстати, старик, у тебя закурить ничего не найдется?

Обнорский достал из кармана пачку «Явы». Володя скривился, обозвал «Яву» (явскую, между прочим) говном, но сигарету все же взял.

– Так вот, бригады... – продолжил Гридич, после того как оба сделали по первой, самой вкусной затяжке. – Бригады, Андрюха, здесь являются основными структурными единицами в армии. В Йемене полков нет – вместо них как раз бригады, которые состоят из батальонов или там эскадрилий, если бригада, предположим, вертолетная. Дивизий здесь тоже нет – вместо них есть так называемые направления – Центральное, Северное и Восточное. По идее несколько бригад должны как бы объединиться в одно направление, но реально каждая бригада фактически независима, а каждый комбриг – бог, царь и воинский начальник на той земле, которую контролирует его войско. Комбриги не только на свои направления с их штабами срать хотели, но и на Аден тоже... Но – поскольку здесь Восток, а это дело, как всем известно, тонкое, то комбриги делают вид, что подчиняются приказам из Адена, а в Адене, в здешнем Генштабе, хватает мозгов понять, что посылать в бригады и направления стоит лишь такие приказы, которые ничего не стоит выполнить. Мафгум?¹⁰

– Мафгум, – машинально ответил Андрей, хотя понятно ему было, естественно, далеко не все. – А мы тут что делаем?

– Хороший вопрос, – кивнул Гридич, снова достал бутылочку джина и сделал мелкий глоток. – И главное – оригинальный... В каждой из этих бригад есть группа советских военных советников из двух или трех офицеров. А при этих советниках положено быть одному переводяге. То есть все предельно просто – советники советуют, а переводчики – переводят... Все довольны, все гогочут. Вот так и живем.

¹⁰ Понятно? (Арабск.)

Володя растоптал на бетонном полу окурков и разразился длиннющей, сложной и какой-то горькой матерной тирадой, совершенно не вязавшейся со спокойным и даже несколько ироничным тоном его пояснений. Обнорский начал догадываться, что, видимо, в этих йеменских бригадах далеко не «предельно просто» обстоят дела на самом деле, однако от вопросов на эту тему решил пока воздержаться.

– А ты давно уже здесь? – осторожно спросил он Володю.

– Пятый месяц доматываю. Еще семь – и домой, доучиваться...

– Так ты что, тоже студент? – обрадовался Обнорский.

– А как же... У нас тут, считай, процентов девяносто бригадных переводяг – студенты, правда, еще три курсанта из ВИИЯ¹¹ есть. Я из Москвы, ИСАА¹², четвертый курс – на пятый перейти не дали, сюда загребли. А ты откуда?

– Востфак, Ленинградский университет, пятый курс.

Гридич удовлетворенно кивнул:

– Споемся, однозначно... Значит, так, Андрюха, ты как из Аппарата вернешься, давай сразу ко мне – тридцать вторая комната, второй этаж. Посидим спокойно, за твой приезд квакнем, то да се – бараньи яйца... Заметано?

Обнорский кивнул и глянул на часы:

– Договорились. Я пойду, пожалуй, к машине, пять минут уже прошло.

– Давай-давай, старина, – напутствовал его Володя. – А с генералом... старайся говорить короче и четче. «Так точно», «никак нет» и «ура!» – старик это любит...

Андрей вышел из дежурки. Жара набирала силу, после кондиционерной прохлады это особенно чувствовалось. Докуривая сигарету, Обнорский огляделся – гарнизон казался абсолютно безлюдным и выглядел довольно уныло. Три-четыре невысокие пальмы, какие-то чахлые кусты перед трехэтажками, несколько кривых деревьев у каменного барака. На пальмах и деревьях густо сидели неподвижные крупные вороны, похожие на чучела. Стену открытого кинотеатра украшал выгоревший под солнцем до противного бледно-розового цвета транспарант: «Специалист! С честью выполни интернациональный долг!» Этот призыв почему-то развеселил Обнорского, он хмыкнул, бросил окурков на землю и придавил его каблуком.

Аппаратом в Южном Йемене называли штаб Главного военного советника, который находился на территории комплекса министерства обороны НДРЙ. Путь туда из гарнизона Тарик лежал через Стиммер – один из наиболее цивилизованных и более-менее европеизированных районов Адена. Основные постройки в Стиммере были сделаны еще при англичанах, да и само название – Стиммер – осталось в наследство от колонизаторов. Обнорского больше всего поразил в этом районе Малый Биг-Беня – точная копия лондонского Биг-Бена, но в уменьшенном варианте.

По дороге в Аппарат Пахоменко расспрашивал Андрея об учебе, увлечениях и склонностях. Узнав, что первые три курса Обнорский выступал за сборную университета по дзюдо, референт пробормотал, что «это как раз то, что нужно», и надолго задумался о чем-то, поглаживая указательным пальцем правую щеку. Остаток пути до министерства обороны они проделали молча. У Андрея, конечно, уже накопилось немало вопросов, но он решил пока придержать их при себе – слишком странным и необычным было все, что он увидел и услышал в Йемене за первые часы.

«Тойота» миновала укрепленный КПП, который охраняли около десятка автоматчиков в красных беретах. Видимо, машину Пахоменко здесь хорошо знали – офицер приветственно махнул рукой, не спрашивая никаких документов.

¹¹ ВИИЯ – Военный институт иностранных языков. Позже переименован в Военный Краснознаменный институт.

¹² ИСАА – Институт стран Азии и Африки при МГУ.

– Мухоморы, – кивнул референт в сторону красных беретов, – войска местного управления безопасности. Слышал про Мухабарат¹³, студент?

Про Мухабараты арабских стран Обнорский, конечно, слышал – кое-что про эти организации рассказывали на восточном факультете преподаватели, некоторым из них приходилось сталкиваться с этими службами довольно плотно. Как, впрочем, и с Моссадом и Шин-Бетом¹⁴. Тем не менее на вопрос Пахоменко Андрей ответил лишь неопределенным пожатием плеч.

– Ну да, – засмеялся референт. – Ты же с востфака. У вас там «академический профиль» – древние тексты, исследования, Коран с хадисами...¹⁵ Ничего, мы тебя быстро тут с теоретических высот на грешную землю спустим...

Андрей хотел было сказать, что у них на востфаке преподавали совсем не только древнюю историю и занимательную этнографию, но передумал. В издевке Пахоменко прозвучало эхо старой и довольно лютой вражды между востоковедческими школами Москвы и Питера – москвичи считали себя «практиками», а ленинградцев с легким презрением называли «академиками». В Москве было больше учебных заведений, где готовили специалистов для работы в странах Азии и Африки, но, как говаривал куратор группы Обнорского Олег Петрович Голузякин, «в данном случае количество не перешло в качество. У нас, в Ленинграде, вы, обормоты, сможете получить такие знания, которые вам никто не даст в Москве. А практические навыки приобретаются в процессе работы – если вы не совсем идиоты, конечно. А вы не должны быть идиотами, по крайней мере так гласит заключение трех медицинских комиссий, которые вы, молодые люди, прошли, прежде чем попали на наш факультет... Что же касается москвичей, с которыми вам часто придется потом сталкиваться, – никогда не спорьте с ними. Себе дороже».

Вспомнив наставления куратора, Обнорский еле сдержал улыбку и с преувеличенным вниманием уставился в окно машины. «Тойота» медленно поднималась в гору по серпантинной дороге. Собственно, эта гора и все строения на ее склонах и назывались комплексом министерства обороны. Место, видимо, было выбрано не случайно – внизу как на ладони лежал Аден, министерство обороны грамотно заняло господствующую высоту.

Аппарат Главного военного советника располагался в большом двухэтажном доме, прилепившемся к крутому склону, – с его крыльца к подъехавшей машине сразу же бросился человек в рубашке и брюках такого же покроя и цвета, как у референта и водителя. (Обнорский уже догадался, что это была местная военная форма, правда, советские офицеры носили ее без знаков различия.)

– Где вас носит? – испуганно-возмущенно выдохнул человек. – Главный о вас уже четыре раза спрашивал...

– Това-ариц полковник, – с насмешливой укоризной протянул Пахоменко, – нас не носит... Мы вот нового товарища встречали, только что прибыл, надо же было потом его вещи в Мааскер закинуть.

Полковник возмущенно хрюкнул, а референт подтолкнул вперед растерявшегося Андрея. Они вошли в здание – Обнорский с наслаждением окунулся в прохладный воздух, нагнетаемый кондиционерами. После уличной жары в Аппарате, казалось, было даже холодно.

Перед обитой черной кожей дверью, на которой была прицеплена табличка с лаконичной аббревиатурой «ГВС»¹⁶, референт шепотом сказал Андрею:

¹³ *Мухабарат* – служба йеменской контрразведки и безопасности.

¹⁴ *Моссад*, *Шин-Бет* – спецслужбы израильской разведки и контрразведки.

¹⁵ *Коран* – священное писание мусульман, составленное в VII веке на основе откровений пророка Мухаммеда. Хадисы – сборники преданий о жизни пророка Мухаммеда и его высказывания, не вошедшие в Коран.

¹⁶ *ГВС* – Главный военный советник.

– Молчи, в основном говорить буду я, ты только поддакивай. – Потом он тихонечко постучал в дверь, приоткрыл ее и спросил: – Разрешите, товарищ генерал?

Из кабинета раздалось какое-то глухое ворчание, и Пахоменко махнул Обнорскому рукой – мол, заходи давай.

Войдя в кабинет, референт молодцевато щелкнул каблуками, вытянулся и сказал, показывая рукой на Андрея:

– Неожиданное пополнение прибыло, товарищ генерал. Пришлось встретить, вещи отвезти...

Генерал оказался еще не старым мужиком со свежим лицом, седым ежиком волос и сердитым взглядом холодных серых глаз. На его форме также не было никаких знаков различий, но Обнорский заметил, что фактура ткани отличается от формы Пахоменко – у генерала она была более светлой и тонкой. Вскинув подбородок, генерал выжидающе посмотрел на Андрея. Референт незаметно пихнул Обнорского локтем и прошипел углом рта:

– Представься!

Андрей встрепенулся, постарался молодецки выпятить грудь и гаркнул:

– Обнорский Андрей Викторович, переводчик!

– Звание?

– Нету у него еще звания, товарищ генерал, – вмешался Пахоменко. – Студент он, практикант.

Генерал катнул желвак по щеке, нахмурился, потом резко поднялся, вышел из-за стола и, подойдя к Андрею, стал в упор его рассматривать. У Обнорского возникло неприятное ощущение, что он уже успел чем-то провиниться.

– Главный военный советник генерал-майор Сорокин, – нарушил наконец молчание генерал и выбросил вперед правую руку.

Андрей чуть было не попятился от неожиданности, но вовремя сообразил, что руку нужно пожать.

– Это ваша первая командировка?

– Так точно.

– Женат? Как с языком? Откуда родом? Кто родители?

Вопросы посыпались на Обнорского один за другим. Андрей, помня наставления Гридича, старался отвечать как можно короче. Все это походило на допрос, но Обнорскому показалось, что генерала Сорокина не очень интересовали ответы.

Вернувшись за свой стол, генерал помолчал с минуту, рассматривая карту Южного Йемена, висевшую на стене, потом снова перевел взгляд на Обнорского:

– Обстановка у нас тут очень сложная – в подробности я вдаваться не буду, майор Пахоменко доведет позже... Каждый человек на счету. Особенно – переводчики. Особенно – хорошие переводчики. – Сорокин сделал ударение на слове «хорошие». – Бывают, правда, такие, что ни бэ ни мэ по-арабски, да и русского толком не знают. – Генерал перевел взгляд на референта и рыкнул: – Я по поводу этой таджикской мафии с тобой хочу отдельно переговорить.... А то сегодня, понимаешь, Кордава с Центрального направления прибыл, его аж колотит – переводчик его, как его... Мирзоев...

– Мирзаев, товарищ генерал, – поправил Пахоменко.

– Да какая разница! – окончательно вышел из себя генерал. – Чурка, он чурка и есть... Кордава докладывал, что по-арабски он, кстати, чего-то лопочет, а по-русски его вовсе не понять – «моя-твоя»...

– Может быть, полковнику Кордаве сложнее понимать потому, что он сам не русский? – осторожно спросил референт.

Главный махнул рукой:

– Отставить! Я-то почему-то Кордаву прекрасно понимаю, хотя он и грузин. Грузины, они, считай, такие же русские, не то что все эти мусульмане... Ладно, об этом после.

Генерал снова повернулся к Обнорскому, застывшему по стойке «смирно».

– Так вот! Родина доверила нам выполнение интернационального долга в условиях сложной международной обстановки, и вы это высокое доверие обязаны оправдать! От того, насколько добросовестно вы будете относиться к своим обязанностям, во многом будет зависеть ваша дальнейшая судьба. Майор Пахоменко!

– Я! – вытянулся референт.

– Куда вы его предлагаете определить?

– Бригадным переводчиком...

– Это ясно, – нетерпеливо перебил его Главный. – В какую бригаду, я спрашиваю?

Пахоменко на секунду замялся, потом, глянув искоса на Андрея, предложил:

– Он мастер спорта по дзюдо, товарищ генерал... Может быть, в Седьмую бригаду его?..

– В спецназ? – Генерал пожевал губами и вопросительно глянул на Обнорского: – Возражения есть?

Что такое спецназ, Андрей представлял себе весьма смутно. В то время это слово еще не было таким затасканным и истертым, как потом – в первой половине 90-х, когда разных спецназов развелось, как кур нерезаных. В середине 80-х более-менее известным (в узких кругах) был лишь спецназ Главного разведывательного управления Генерального штаба... Обнорский, правда, и о нем ничего не слышал, но слово, начинающееся с сокращения «спец», явно означало что-то крутое, особое, выделяющееся, – поэтому Андрей не задумываясь ответил:

– Никак нет, товарищ генерал!

– Ну что же!.. Пахоменко, подготовьте приказ, отдайте его в кадры. Введите товарища, – Сорокин кивнул на Обнорского, – в курс дела, проводите в финчасть, через два часа зайдите ко мне. Свободны. – И генерал опустил взгляд в бумаги, разложенные на столе.

– Есть, товарищ генерал, разрешите идти, товарищ генерал? – Не дожидаясь ответа, референт подтолкнул к двери несколько ошалевшего Андрея.

В предбаннике оба перевели дух.

– Повезло тебе, – сказал Пахоменко, – старик сегодня в прекрасном настроении.

«Интересно, – подумал Обнорский. – Что же здесь творится, когда старик в плохом настроении? Трескаются стены и вылетают двери?» Вслух же он спросил:

– Виктор Сергеевич, а спецназ – это что за бригада?

Пахоменко откинул волосы со лба и, усмехнувшись, ответил вопросом на вопрос:

– А чего же ты, студент, соглашался, даже не зная на что?

Обнорский молча пожал плечами и отвернулся. Он почувствовал усталость и раздражение от постоянных подначек, ухмылок, недоговоренностей. Видимо, референт что-то почувствовал, потому что перестал улыбаться и ответил серьезно:

– Седьмая бригада – парашютно-десантная бригада специального назначения: борьба с бандитизмом, мятежами, контрреволюцией, контрабандой. Кроме того – глубинная разведка и некоторые другие... гм... задачи.

У Обнорского захватило дух. В его сознании сразу замелькали кадры из известного фильма «В зоне особого внимания» – представление Андрея о десантных войсках было исключительно романтическим.

– Собственно, бригады-то как таковой еще нет, – продолжал рассказывать Пахоменко, ведя Обнорского в свой кабинет. – Она еще только формируется на основе бывшей бригады военной полиции. Эта бригада... Они тут пару месяцев назад пытались устроить мятеж... Кого-то расстреляли, кого-то разогнали по дальним гарнизонам... Короче, остался один батальон – сборная солянка из самых преданных и надежных... Старшего советника еще нет, он прибудет из Союза где-то через месяц, пока есть только младший – майор Дорошенко, но он

занимается только вопросами парашютной подготовки, пэдээсник¹⁷. Планируется вывести бригаду из самого Адена, но не очень далеко, чтобы она всегда была под рукой... Седьмая бригада будет находиться в центральном подчинении непосредственно генерального штаба министерства обороны НДРЙ, а точнее – в подчинении местного главного разведуправления... Так что считай, что попал в элиту – хоть и бригада, но «придворная»...

Разговаривая, они поднялись на второй этаж, и референт запустил Андрея в отделение кадров. В кадрах у Обнорского отобрали паспорт и взяли три фотографии, объяснив, что свою синюю паспортину Андрей теперь не увидит вплоть до окончательного дня отъезда в Союз (все паспорта хранились в особом сейфе в Аппарате), а взамен ему скоро выдадут местную битаку¹⁸.

Потом Пахоменко отвел Андрея в финчасть, там Обнорский сдал свой авиабилет и денежный аттестат, выданный в «десятке», а потом долго слушал непонятные объяснения, сколько денег и в чем именно он будет получать. Начфин – полковник с интересной фамилией Рукохватов – даже рисовал специально для Обнорского на листке бумаги схему пересчета мифических инвалютных рублей (таких денег на самом деле не существовало, и никто никогда не видел их бумажного воплощения, но в аттестате зарплата исчислялась именно в инвалютных рублях) в чеки Внешпосылторга и местные динары.

Андрей уяснил главное – всего в месяц ему пойдет около тысячи семисот чеков, чеки можно копить, «класть на книжку», но часть содержания положено брать в местных динарах – не меньше тридцати пяти динар. Обнорскому выдали на руки сорок динар, и Андрей покинул финчасть с неприятной мыслью о том, что он, скорее всего, самый настоящий финансово-экономический идиот. Мысль эта пришла, когда под занавес лекции полковник Рукохватов начал рассказывать о взаимоотношениях курсов доллара, динара и инвалютного рубля.

Наконец Пахоменко привел Андрея в свой кабинет, расположенный рядом с генеральским, усадил за стол и положил перед Обнорским несколько папок.

– Вот, почитай пока, – сказал референт. – Это тебе обязательно нужно знать. Здесь справки и документы о положении в Йемене, основные приказы о правилах поведения и регламентации жизни, некоторые разработки... Начинай с приказов. Основной и самый важный из них для тебя – приказ № 010. Он, конечно, как бы это помягче... а помягче никак и не скажешь... ладно, ты читай его, все равно тебе, впрочем, как и всем нам, придется с ним считаться...

На неподготовленного человека приказ № 010 Главного военного советника «О нормах и правилах проживания советских военных советников, специалистов, переводчиков и членов их семей в НДРЙ» производил глубокое и сильное впечатление. На трех листах убористого машинописного текста подробно и обстоятельно перечислялось все, что запрещено было делать советскому человеку «в Адене и других точках НДРЙ».

Запретов было настолько много, что Обнорский, несмотря на хорошую память, вряд ли смог бы все их воспроизвести вслух, если бы кто-нибудь его попросил сделать это после двукратного прочтения текста. Много чего было нельзя – выходить по одному в город, заводить «несанкционированные» контакты с иностранцами, торговаться на базаре и в лавках, выходить из домов после 23.00, купаться в неустановленных местах, брать займы у коллег деньги, а равно и давать деньги в долг... Венчал приказ призыв: «...достойно нести звание советского человека и офицера за рубежом». Неясным в приказе оставался лишь один, не самый важный, видимо, момент: а что все-таки можно было «советскому человеку и офицеру»?

– Прочитал? – спросил Пахоменко, не отрывая глаз от листа бумаги, на котором он быстро и аккуратно писал что-то справа налево хорошо поставленным арабским почерком.

¹⁷ ПДС – парашютно-десантная служба, занимающаяся прыжковой подготовкой, изучением материально-технической части и т. д.

¹⁸ Битака – карточка, удостоверение, вид на жительство (арабск.).

– Да, – ответил Обнорский. – Простите, Виктор Сергеевич, а какие санкции предусмотрены за нарушение этого приказа?

Референт хмыкнул и взглянул Андрею в глаза:

– Высылка из страны в двадцать четыре часа. Это для начала, как ты понимаешь. Ну а потом, в Союзе, – продолжение банкета в зависимости от того, на чем ты залетел, сам понимаешь. От совсем плохих раскладов до просто плохих. Но в любом случае – если кого-то отправляют досрочно в Союз, считай, на этом человеке навсегда поставлен крест. Так что лучше, студент Андрюха, не залетать.

На самом деле и переводчики, и советники со специалистами, и их жены постоянно нарушали этот пресловутый приказ № 010 – ежу было ясно, что нормальный человек просто не в состоянии следовать всем этим идиотским запретам. Скорее всего, это изначально понимали и составители приказа, но в том-то и была соль: раз нарушали приказ, то, значит, каждый был как бы «подвешен на ниточке» – исключительно от отношения руководства к каждому конкретному офицеру зависело, продолжится его карьера или будет безжалостно оборвана.

Пахоменко смотрел на Обнорского вроде бы серьезно, но в глазах его скакали лукавые смешинки. Он достал из ящика своего стола толстую черную книгу, напоминающую амбарную, и открыл ее. На титульном листе красивым почерком было выведено: «Книга учета доведения приказов».

– Давай-ка, практикант, распишись тут за то, что с приказом тебя ознакомили. Чтобы потом в случае чего не говорил: «А я, мол, не знал!...»

– А что, незнание приказа освобождает от ответственности? – улыбнулся Андрей.

На этот раз Пахоменко ответил ему абсолютно серьезно, даже постоянные смешинки в глазах погасили:

– Это хорошо, что у тебя есть чувство юмора. Но с этим приказом шутить я тебе не советую... Очень много народу на нем свои зубы пообломало. Я тебя не пугаю, но... Здесь уже взрослые игры – и у тебя... У тебя всегда должна быть голова на плечах. Желательно трезвая и ясная. Понял?

Обнорский почему-то вспомнил пьяного Володю Гридича в дежурке Тарика и кивнул:

– Понял.

Хотя на самом деле он по-прежнему толком ничего не понимал. Андрей открыл черную книгу и отыскал страницу, на которой расписался его предшественник, – последняя запись была сделана две недели назад. Обнорский глянул на подпись, там значилось: «Курсант Новоселов И. П.».

«Интересно, – подумал Андрей, расписываясь по образцу и подобию. – Кто этот Новоселов? Судя по званию – тоже переводчик-практикант. Виияшник, наверное...»

Потом Обнорский долго разбирал документы и справки о положении в Южном Йемене. Судя по всему, оно было явно не фонтан. Как явствовало из справок, республику с трех сторон окружали враждебные государства – Оман, Саудовская Аравия и Йеменская Арабская Республика (Северный Йемен). Эти три страны вели неустанную подрывную и террористическую деятельность в НДРЙ. Президентом Южного Йемена был «верный марксист-ленинец» Али Насер Мухаммед, которого незадолго до своей кончины обласкал сам Леонид Ильич Брежнев: Генсек КПСС, по своему обыкновению, долго целовался в засос с южнойеменским президентом, а потом наградил его орденом Ленина. При всем при том в правительстве НДРЙ, «взявшем курс на построение социализма», и в партии (которая почему-то называлась социалистической, хотя ее устав явно сдирался с Устава КПСС) единства не было – наоборот, все более явно обозначалось противостояние между сторонниками президента Али Насера и теми, кто группировался вокруг «основателя» социалистической партии Абд эль-Фаттах Исмаила. Некую пикантность всей этой совсем невеселой ситуации придавало то обстоятельство, что Абд эль-Фаттах, лидер необъявленной оппозиции, последние несколько лет про-

живал не в Адене, а в Москве (видимо, опасаясь за свою жизнь). То в одной, то в другой провинции НДРЙ вспыхивали мятежи, которые, правда, быстро локализовывались и подавлялись. За условной границей с Саудовской Аравией (демаркации как таковой не было проведено – видимо, в свое время сделать это в безжизненной пустыне было чисто технически сложно, а потом этот вопрос стал слишком политически острым) базировалась так называемая Армия освобождения Южного Йемена, чьи боевые группы часто проникали в глубь территории НДРЙ, иногда умудряясь доходить даже до самого Адена. В августе 1984 года одну такую группу обезвредили в столице Южного Йемена. (Обнорский сразу вспомнил, как Пахоменко вскользь упомянул о попытке мятежа в бригаде военной полиции – по времени эти два события совпадали.) После публичного показательного процесса все диверсанты (группа должна была взорвать нефтеперерабатывающий завод) были принародно расстреляны...

Собственно говоря, информация в справках была явно неполной, подчас противоречивой и очень-очень осторожной. Другой она, видимо, и не могла быть, поэтому, листая прошитые страницы, Андрей мысленно сказал спасибо преподавателям своего факультета, которые помимо прочего учили студентов читать между строк, понимать недосказанное и стараться видеть то, что пытались скрыть. Несколько раз Обнорский вопросительно поднимал взгляд на Пахоменко, но тот был так занят своими бумагами, что не замечал этих взглядов. Или делал вид, что не замечал.

Странное чувство начало все больше и больше охватывать Обнорского по мере чтения: ему казалось, что он попал на другую планету, в чужой, негостеприимный мир. Этот мир был загадочным, и от него, несмотря на уличную жару, веяло холодом. Холодом опасности.

Пахоменко глянул на гостя и присвистнул:

– Ого! Мы с тобой, студент, переработались! Час уже – пора домой ехать!¹⁹

Они вышли в аппаратовский дворик, где уже ждал автобус, маленький «фиат». В нем сидели мужчины в форме и какие-то женщины, видимо жены офицеров, работавшие на каких-то вспомогательных должностях.

– Ну, Сергеич, тебя, как всегда, ждать приходится, – заворчал на референта какой-то пузатый мужик, истекавший потом в нагретом автобусе. – Полковники, понимаешь, вынуждены майоров ждать...

– Так уж и всегда, товарищ замполит? – хохотнул Пахоменко. – Это сегодня день такой выдался – пополнение прибыло, вот и пришлось мне молодежью заняться, в курс, так сказать, ввести, то да се...

– Куда-куда ты ему ввел? – дурашливо спросил кто-то с задних сидений.

Весь автобус загоготал, даже женщины оценили шутку положительно. Обнорский закусил губу – он очень не любил, когда из него делали общественного клоуна.

– Что вы молодого человека засмущали, он к таким шуткам еще не привык, – игривым голосом сказала крашеная блондинка средних лет. (Позже Обнорский узнал, что это была жена начфина – полковника Рукохватова.) Сквозь ее легкий сарафанчик просвечивал внушительного размера бюстгальтер. Андрей уткнулся в него взглядом и смутился еще больше...

...В Мааскере Пахоменко передал Обнорского коменданту гарнизона, некоему Струмскому. Маленький, похожий на вылезшего из моря осторожного краба, Струмский щеголял в шортиках, маечке и детской панамке с корабликом на тулье. Андрей чуть не открыл рот от изумления, когда выяснилось, что это чучело – капитан второго ранга. Струмский полистал свой потрепанный гроссбух, пошевелил губами и наконец принял решение:

– Жить будешь в тридцать четвертой комнате, вместе с курсантом Новоселовым.

¹⁹ В Южном Йемене, как и во многих других арабских странах Ближнего Востока, рабочий день из-за жары начинался очень рано – в шесть утра.

Обнорский обрадовался – по записи в «Книге учета доведения приказов» он помнил, что этот Новоселов сам только что прибыл в Йемен, – двум новичкам всегда вместе легче.

Струмский выдал Андрею две простыни, две наволочки, полотенце и повел его на второй этаж каменного барака. На лестнице Обнорский обратил внимание, что сквозь краску на стенах кое-где просвечивают надписи на английском языке.

– Здесь до независимости английский гарнизон был. Как раз на втором этаже их сержантская казарма располагалась, – пояснил Струмский, перехватив взгляд Андрея.

Второй этаж казармы представлял собой длинную балконную террасу, на которую выходили пронумерованные двери комнат.

Когда Струмский подошел к двери за номером тридцать два, он вдруг встал на цыпочки и, не стесняясь Обнорского, приложил ухо к замочной скважине. Обнорский оторопел от неожиданности, потом вспомнил, что тридцать вторая – это та самая комната, куда приглашал его Володя Гридич. Андрей громко кашлянул, и комендант отпрянул от двери, покосившись на Обнорского. Пробормотав что-то недовольно себе под нос, Струмский подошел к двери в комнату номер тридцать четыре и открыл ее маленьким блестящим ключом.

Едва Андрей переступил порог своего будущего жилища, как в нос ему ударил затхлый запах нежилого помещения. Обнорский удивленно обернулся к Струмскому, и тот успокаивающе махнул рукой:

– Илья, сожитель твой, только вещи и успел сюда забросить, его сразу советники в Эль-Анад забрали. Так что он даже обжиться не успел, придется тебе самому тут порядок наводить.

После яркого йеменского солнца в комнате было довольно темно – объяснилось это просто: стекла единственного окна были наглухо закрашены зеленой краской. Вдоль стены изголовьями друг к другу стояли две пружинные кровати, у окна белела раковина с водопроводным краном. Большой, обшарпанный временем и людьми шкаф делил комнату как бы на две части. Ближе к входной двери стояли круглый журнальный столик и три бывших кресла. Назвать эту рухлядь просто креслами или даже очень старыми креслами смог бы, наверное, только очень добрый человек, наделенный к тому же богатой фантазией. Ближе к окну за шкафом стояли холодильник, маленький буфет и стол, покрытый клетчатой клеенкой. На стене между буфетом и умывальником была привернута мощная стойка с двухконфорочной электроплитой. Под окном в стене торчал кондиционер советского производства БК-1500. В комнате было очень тесно и жарко.

– Сейчас кондей подключим, и сразу станет веселее, – сказал комендант, подходя к окну. – Кондей здесь главный друг человека, без него не жизнь, а мучение.

Он щелкнул выключателем, и кондиционер радостно взвыл, словно приветствуя своего нового хозяина.

– Ну что, устраивайся, – обвел рукой комнату Струмский. – Здесь, конечно, не дворец, но жить, в принципе, можно. Да, не забудь холодильник подключить – у нас тут недавно электричество вырубали, у твоего холодильника защитное реле срабатывает, он у тебя английский, каждый раз после отключения нужно кнопку у морозилки нажимать. Если будут какие проблемы, заходи после пяти... А сейчас у нас сон.

После ухода коменданта Андрей подключил холодильник, которому было уже, наверное, лет двадцать, если не больше. Заочно знакомый Обнорскому Илья Новоселов оставил в холодильнике привезенные с собой колбасу и консервы, не зная, вероятно, что может прекратиться подача электроэнергии, – колбаса протухла, а консервы вздулись. Андрей покидал все это хозяйство в большой пластиковый мешок для мусора и пошел за своими вещами. Володи Гридича в дежурке уже не было, вместо него за столом сидел какой-то сонный, но абсолютно трезвый толстый парень, похожий на таджика или узбека.

Закинув вещи в комнату, Андрей вспомнил о приглашении Гридича. Выйдя на террасу, Обнорский закурил, а потом решил все же постучаться к Володе. За дверью, которую украшал

номер «32», слышалось какое-то невнятное бормотание. Андрей нажал на ручку и вошел. Картина, представшая его глазам, была довольно живописной. Планировка и мебель, в общем, копировали комнату Обнорского, но здесь чувствовался дух обжитости. Стены были сплошь заклеены пикантными картинками из разных журналов. Особенно радовал глаз плакат во всю дверцу шкафа: голая женщина, наклонившись и выставив задницу, смотрела прямо в глаза любому посетителю. На кровати, что стояла ближе к окну, лежал Володя Гридич в полной форме и даже в высоких черных шнурованных ботинках. Похоже, Володя был вдребезги пьян. На полу рядом с его свесившейся с кровати рукой валялся АКМС²⁰. Журнальный столик был заставлен пустыми и полупустыми бутылками, вскрытыми консервными банками и грязными стаканами. В одном из кресел, в подлокотник которого была воткнута финка, сидел голый по пояс парень. Несмотря на работающий кондиционер, в комнате плавали сизые клубы сигаретного дыма.

– Добрый день, – сказал Обнорский. – Меня Володя приглашал зайти... Но я, похоже, не совсем вовремя.

Парень в кресле сконцентрировал взгляд на Андрее и протестующе моткнул курчавой головой:

– Заходи. Са-адись. Ноовенький? Грида говорил.

Парень говорил, как-то странно булькая, словно все, выпитое им, стояло у самого горла.

– Леха. – Полуголый парень вытянул вперед руку, и Обнорский пожал ее.

«Наверное, это тот самый Леха Цыганов, которого подменял Гридич в дежурке», – подумал Андрей.

– Грида. Завтра. В бригаду едет. Два часа. Назад. Сказали. – От бульканья Леха перешел к коротким, рубленным фразам. – Выпьем!

Движениями, напоминавшими плавание стилем брасс, Цыганов поймал за горло бутылку джина и налил по полстакана Андрею и себе:

– За. Твой. Приезд.

Не дожидаясь, пока Обнорский выпьет, Леха начал заталкивать джин в себя. Было очевидно, что джин в Леху идти не хотел, а просто подчинялся грубому насилию. Андрей лишь осторожно пригубил – он любил джин, но жара отбивала всякую охоту пить крепкое. Между тем Леха несколько раз поменялся в цвете, увлажнился потом, блеснул глазами и, вытянув руку в направлении холодильника, просипел:

– Пи-ива!

Андрей поставил свой стакан на столик и, открыв холодильник, вытащил оттуда сразу две запотевшие поллитровые банки финского пива. Открыв обе, он протянул одну Цыганову, а другую взял себе. Леха надолго присосался к пиву, Андрей тоже с удовольствием сделал несколько глотков. Как ни странно, выпитый джин и пиво не отключили Цыганова напрочь, а наоборот – взбодрили и оживили его. Он даже смог открыть самостоятельно банку колбасного фарша и гостеприимно подвинуть ее Обнорскому. Андрей упрашивать себя не заставил – отыскал на столе более-менее чистую на вид вилку, отломил кусок от валявшейся тут же лепешки и с удовольствием принялся за еду.

– Вопросы будут? – спросил между тем Леха почти нормальным голосом.

Обнорский кивнул и, не переставая жевать, спросил:

– А куда Володя уезжает?

– Мукейрас, Тридцать вторая пехотная... Дыра жуткая. – Леха допил свое пиво и смял банку в руке.

– Там что, воюют? – Андрей кивнул на автомат, валявшийся на полу рядом с кроватью бесчувственного Гридича.

²⁰ АКМС – автомат Калашникова, модернизированный.

– Сейчас вроде бы нет... Тихо. А это еще хуже – сидеть и ждать, когда начнется... Тут, когда долго тихо, – очень душно и тоскливо становится, как перед грозой. Думаешь, скорей бы уже ебнуло, чего душу-то мотать.

Голос Цыганова начал постепенно угасать, его потянуло в сон. Обнорский задумчиво посмотрел на него и вдруг неожиданно для самого себя поинтересовался:

– Слушай, Леха... Если о моем прилете сюда никто не знал, из «десятки» не предупредили, то что там делали Пахоменко и Гена, водила генеральский?

Цыганов икнул и слабо улыбнулся:

– Почту ждали, скорее всего... Третий рейс уже пустой прилетает... Ну и, может, свои какие дела... У Пахома связь с Союзом налажена: он оттуда постоянно посылки получает – и хлеб черный, и селедочку, и всякое другое разное... Только ты, Андрюха, запомни – по дружбе говорю: у нас в чужие дела нос совать не рекомендуется – прищемят... Тем более в дела Пахома. Он у нас папа – как скажет, так и делать надо, потому что, кроме него, защищать нас от этого хабирия²¹ озверелого – некому.

Леха пробормотал еще что-то, но уже совсем глухо, слов было не разобрать, потом он несколько раз дрыгнул ногой и уснул прямо в кресле.

Андрей доел весь фарш, допил пиво и с удовольствием выкурил сигарету. Потом он подошел к кровати Гридича и повернул Володю на бок, чтобы тот не захлебнулся, если вдруг надумал бы блевать во сне. Потом Обнорский поднял с пола автомат и отсоединил магазин – рожок был под завязку набит боевыми патронами. Андрей хмыкнул, вставил рожок обратно и прислонил автомат к шкафу. Перед тем как уйти из гостеприимной тридцать второй комнаты, Обнорский взял на руки Леху и переложил его на свободную кровать...

...Свои вещи Андрей разобрал довольно быстро и отправился в душ – общий на всю казарму. У этого душа была одна любопытная особенность: вентиль для пуска воды был один – понятия холодной или горячей воды не было, вода всегда была теплая, нагретая беспощадным солнцем...

После душа его разморило, он прилег на кровать и не заметил, как уснул.

Разбудил его протяжно-тоскливый напев муэдзина, несшийся из невысокой мечети, стоявшей рядом с гарнизоном... Чувствуя во всем теле вялость, Андрей прибрал комнату до конца, переоделся и вышел на террасу. По местному времени было около семи, но на улице уже было совсем темно – на арабском Востоке вообще темнеет быстро, как будто кто-то просто берет и выключает свет. В гарнизоне чувствовалось какое-то оживление – люди, в основном почему-то женщины, стекались к кинотеатру. Показывали какой-то старый «производственный» фильм, Андрей сел было на одну из лавок в амфитеатре, быстро понял, что фильм этот уже видел в Союзе, и собрался уходить, как вдруг заметил, что у мужчины средних лет, сидевшего рядом, из глаз текут слезы. При этом лицо мужика было совершенно спокойным, казалось, слезы текут сами по себе. Присмотревшись, Обнорский заметил еще одного такого же и еще... Андрею стало не по себе, он достал сигарету и выскочил из кинотеатра.

«Дурдом какой-то! Псих на психе, их тут всех лечить надо. – Обнорский, нервно затыкаясь, пошел к дежурке. – Неужели здесь все такими становятся?»

Андрей был недалеко от истины. Тяжелые климатические условия Йемена и постоянно испытываемые стрессы очень сильно влияли на психику европейцев, попавших в эту страну. Позже Обнорскому рассказали, что прагматичные англичане якобы лишали на два года избирательных прав своих соотечественников, проводивших в Йемене более года, – считалось, что психика этих людей серьезно подорвана и требует реабилитации. Что же касается слезливости,

²¹ *Хабирия* – от арабского «хабир» – специалист. Презрительная кличка всех советских офицеров – непереводчиков в арабских странах.

то в ней опять же виноваты были солнышко и климат, неслучайно даже в сказках «Тысячи и одной ночи» все великие герои и воины постоянно плачут, как дети...

Андрей присел на лавочку у дежурки – в тусклом свете фонаря хорошо были видны огромные тараканы, деловито сновавшие по двору.

– Вот ведь твари какие, – кивнув на тараканов, сказал вышедший из дежурки мужик средних лет, сядя на лавку рядом с Андреем. – Ничем их, гадов, не вытравишь, они ведь в дома только пожрать приходят, а живут на улице... Летают еще...

Мужик придавил одного таракана ногой, Обнорского передернуло от неприятного хруста.

– А ты что, новенький?

– Да, – обреченно вздохнул Андрей и, не дожидаясь следующих вопросов, начал отвечать: – Переводчик, практикант из Ленинграда. Москва еще стоит.

– Холодно уже, наверное? Снег выпал?

Обнорский пожал плечами:

– Не жарко, естественно, но снега еще нет.

Дежурный грустно покачал головой:

– А я, хлопчик, снега уже три года не видел. Отпуска – летом. Снится мне снег все время.

Мужик вздохнул и стрельнул у Андрея сигарету. Посидели молча, потом Обнорский поднялся:

– Пойду с ужином что-нибудь придумывать.

– Давай, только воду кипятить как следует. Вода здесь – полное говно, я тебе скажу, почки у всех летят...

«Интересно, – думал Андрей, поднимаясь на террасу. – А есть здесь что-нибудь, что не говно?»

Ничего придумать с ужином он не успел – его приготовления прервал короткий стук в дверь. Обнорский, удивляясь про себя, кто бы это мог быть, открыл и увидел на пороге маленького круглого человечка в странной пятнистой форме и кроссовках. Лицо незнакомца выражало радость и вообще свидетельствовало о большом внутреннем жизнеутверждающем потенциале.

– Салям алейкум! – воскликнул пятнистый человечек, входя в комнату. – Ну наконец-то! А то я тебя вже так ждал, шо прям и не знаю аж как!

У гостя был забавный южнорусский говорок, и ничего не понимающий Обнорский невольно улыбнулся:

– Здравствуйте... Вы меня ждали?

– Та ты шо! Как невеста первого разу!

– Да вы проходите, проходите, – засуетился Андрей. – А вы меня ни с кем не путаете?

– Ха! Спутаешь тебя! Мне вже тебя так расписали – ты шо! Высокий, красивый, чернявый... Андреем зовут?

– Да, – промямлил Обнорский. – А собственно...

– Ну вот, – продолжил мужичок, разглядывая комнату. – А я Дорошенко Петро Семенович, майор Советской Армии, так шо люби и жалуй. Тамам?²²

– Тамам, – машинально ответил Андрей и, догадавшись, воскликнул: – А, так вы, наверное, мой советник?

Дорошенко залился мелким заразительным смехом и хлопнул себя по ляжкам:

– Не, хлопчик, ты еще трошки не дорос, чтоб у тебя майоры в советниках были. А советник я командира Седьмой парашютно-десантной бригады спецназа подполковника

²² Хорошо? (Арабско-йеменский диалект.)

Абду Салиха Юсуфа – кстати, он классный мужик, у нас в Союзе в академии учился... Мафгум?

– Мафгум, – кивнул Андрей. – А мне сказали...

– Плюнь! – посоветовал Дорошенко. – Плюнь и забудь, тут все кому не лень плетут разное, ты меня слушай. Со мной, хлопчик, не пропадешь. Но горяхватишь.

И он снова залился смехом.

– Да вы садитесь, – спохватился Андрей. – Сейчас я чего-нибудь быстренько...

– Ни-ни-ни, – замотал головой Дорошенко. – Ни быстренько, ни средненько. Собирайся-обувайся и пошли ко мне, буду тебя кормить и одевать. Кто из нас из Союза прибыл? Ты или я? Так шо – без всяких там марципанов. Как-никак я тебе начальство. Мафгум?

Андрей кивнул и улыбнулся. (Позже выяснилось, что слово «марципан» было излюбленным выражением Дорошенко – им он обозначал такие понятия, как «церемонии», «проблемы», «сложности» и ряд других, выражаемых обычно в офицерской среде матерными эквивалентами. За это Петр Семенович получил, естественно, соответствующую кличку – Марципан, которая очень подходила к его забавному внешнему облику.)

По дороге майор не переставая сыпал словами:

– Здесь шо главное? Хотя бы раз в день горячая пицца! И – горячая жидкость, тот же чай, если супа нет. Это лязим²³ помнить. А всякая сухомятка, лимонада, – это сплошной муштамам²⁴.

Квартирка у Дорошенко оказалась маленькой, но чистой: холл, спальня, кухня и совмещенный санузел.

– Ну как? – спросил Петр Семенович, обводя свою квартиру довольным взглядом. – Хоромы! Ты б видел, в каких общагах мы с моей жинкой в Союзе жили... Жуть кошмарная, вспоминать на ночь не хочется – стенки тоненькие, фанерные, все слышно, ни потрахаться толком, ни поскандальить со своей бабой от души нельзя – соседи советами замучают... А ты женат?

– Женат, – кивнул Андрей, – но супруга в Москве осталась.

– Приедет?

– Нет, я же на год всего. Я практикант²⁵.

– Да, – сочувственно вздохнул Дорошенко. – То муштамам. Мужу без бабы плохо. Да и бабе тоже – они ж, если честно, тоже люди, заблядовать могут... Я, конечно, твою в виду не имею... А мужу так вообще тоска – я свою два месяца не видал, спать ложусь – одеждуную щетку под руку кладу.

– Зачем? – удивился Обнорский.

– Так ночью погладишь – вроде как она рядом.

И Дорошенко снова жизнерадостно захохотал.

Разговаривая, он успел в мгновение ока собрать на столе немудреную закуску, нарезать помидоры с луком и пожарить яичницу на сале. Посмотрев на стол, Петр Семенович задумался и искоса взглянул на Андрея.

– Грех, однако, с дороги-то не выпить... Да под такую закуску...

– Я сейчас, – вскочил Обнорский. – У меня...

– Сиди спокойно. Все имеется. Только так: то, шо мы тут с тобой выпиваем, – между нами. Тамам?

– Тамам, – улыбнулся Андрей.

²³ Надо, нужно (арабск.).

²⁴ Нехорошо (арабск.).

²⁵ К советским офицерам в некоторых странах разрешалось приезжать женам, но только в том случае, если срок командировки был более полутора лет. Все остальные вне зависимости от семейного положения считались холостяками и получали за это не полный оклад, а 80 процентов. Это дикое положение было отменено лишь в 1990 году.

Они выпили по первой и навалились на еду. Дорошенко продолжал разговаривать с набитым ртом:

– Один на один можешь звать меня просто Семеныч, но когда люди кругом – будь любезен по имени-отчеству, а при начальстве – по званию. Потому как панибратства в армии не любят.

После второй стопки Семеныч начал рассказывать о себе. Когда-то Дорошенко был летчиком-истребителем, при этом увлекался парашютным спортом. Потом его списали с летной работы по здоровью, и он переквалифицировался в начальники ПДС полка. С помощью бывших друзей, сделавших карьеру, Семеныч получил возможность поехать на заработки в загранку.

– Я, Андрияша, в этом спецназе сам ни хера не понимаю. Мое дело – научить людей прыгать, техникой пользоваться. Через месяцок приедет старший советник в бригаду, он и начнет их всем остальным премудростям обучать. Но что это будет за фрукт или овощ – тайна, покрытая мраком. А ты-то как? Боишься прыгать?

– А я что, тоже должен буду прыгать? – удивленно спросил Обнорский.

– А то как же?! Это ж наша техника, местные должны ей доверять, видеть, что мы все прыгаем – и ничего. И потом, в спецназе прыгают все – даже повара и завскладами. Ты не бойся.

– Да я не боюсь, – пожал плечами Обнорский.

– Не боишься? Ну молодец, – Семеныч снова засмеялся. – А я вот восьмую сотню прыжков разменял, а все одно страшно, перед прыжком уснуть не могу.

После третьей рюмки о себе начал рассказывать Андрей. Обнорский говорил и удивлялся самому себе: этому простому мужику, человеку совсем не его круга, он рассказывал то, что, наверное, не стал бы говорить многим близким знакомым.

– А форму мне в бригаде выдадут? – спросил Андрей.

Дорошенко успокаивающе махнул рукой:

– За форму не волнуйся – получишь полный набор: обычную песчанку, камуфляжку, ну и парадку – ее тебе шить будут.

– А оружие? Тоже выдадут?

Семеныч вдруг аж пригнулся, зачем-то оглянулся и спросил почему-то шепотом:

– Какое оружие? Ты шо?! Даже и думать не думай! Генерал брать оружие запретил!

– Как? – растерялся Андрей. – А я видел...

– Шо ты там видел – я и знать не хочу, – перебил Дорошенко. – То мужики в бригадах берут стволы, но подпольно, щоб никто ничего не видел... А мы тут – люди еще новые, вот оботремся малость, видно будет... Старший советник приедет – он и решит. И скажу тебе по опыту – чем дальше от оружия, тем меньше всякой херни случается.

«Ничего себе подпольно», – подумал Обнорский, вспомнив автомат, валявшийся совершенно открыто рядом с пьяным Гридичем. Однако возражать Дорошенко не стал, поняв, что столкнулся с очередной загадкой, отгадку на которую предстояло искать самому.

Ближе к полуночи выпили на посошок.

– Утром подходи ко мне часов в семь – в бригаду поедem, знакомить тебя со всеми буду. Раньше там нам делать нечего. Да и ты поспать должен...

Андрей, слегка покачиваясь от усталости и выпитой водки, пошел к себе через тускло освещенный низкими фонарями гарнизон. Темная казарма казалась совсем нежилой. В тридцать второй комнате было тихо. Андрей зашел к себе, лег и еще раз перебрал по эпизодам весь бесконечный день, свой первый день в Южном Йемене. Обнорский не мог понять, отчего у него в душе осталось ощущение немотивированной вроде бы тревоги.

«Наверное, просто от новых впечатлений. Все не так уж и плохо», – подумал Андрей, засыпая.

...В ритм новой жизни Андрей вошел быстро – работы хватало, и скучать не было времени. Каждое утро он с Семенычем уезжал на стареньком, оставшемся еще от англичан «лендровере» в бригаду, базировавшуюся в пятнадцати километрах от Адена. Это местечко называлось Красный Пролетарий и находилось уже в провинции Лахедж – точнее, на административной границе между провинциями Аден и Лахедж. Дорошенко в основном проводил занятия с личным составом – предпрыжковая подготовка, укладка парашютов, методика действий в случае возникновения нештатных ситуаций...

Андрей пытался переводить йеменцам объяснения Семеныча; сначала у него это получалось довольно жалко, но в бригаде было несколько офицеров, учившихся в Союзе и хорошо говоривших по-русски, они начали помогать Обнорскому, и уже через неделю он стал что-то понимать в местном диалекте. Командование бригады – командир подполковник Абду Салих и замполит майор Мансур окончили в Москве академии: Абду Салих учился в Академии имени Фрунзе, а замполит, как и положено, в Академии имени Ленина. Они оба относились к Обнорскому доброжелательно, понимали, что парню сложно, и не выражали недовольствия новым переводчиком. Кстати, с первого дня Андрей заметил, что отношения между Мансуром и Абду Салихом довольно напряженные. Обнорский сначала подумал было, что дело в извечной неприязни командиров к замполитам, но потом выяснилось, что Мансур родом из провинции Абьян, родины президента Южного Йемена Али Насера Мухаммеда, а Абду Салих родился в горах Радфана – там, где начиналось когда-то национально-освободительное движение против англичан, – и был дальним родственником Абд эль-Фаттаха Исмаила, председателя Йеменской социалистической партии. О том, что вражда между этими мощными кланами расслаивала страну на два противостоящих лагеря, Обнорский узнал в Аппарате в день приезда из справок Пархоменко.

Семеныч гонял Андрея точно так же, как йеменских солдат и офицеров, – заставлял до одури прыгать на землю со специального трамплина так, чтобы при приземлении ступни и колени оставались плотно сжатыми, учил укладывать парашют. В бригаде на вооружении стояли парашюты Д-1-5-У – Дорошенко по секрету рассказал Обнорскому, что на этих системах в Союзе давно уже никто не прыгает, но техника, в принципе, надежная, хоть и старая...

Перед первым прыжком Семеныч сказал Андрею:

– Такого подарка, какой ты получишь сегодня, тебе больше не сделает никто в жизни, потому что я подарю тебе целое небо.

Свой первый прыжок Обнорский действительно запомнил навсегда – прыгали на расвете (утром в пустыне, как правило, утихал ветер), солнце едва показалось из-за гор, отбрасывая от фигур десантников длинные тени. Андрей ощущал себя довольно спокойно вплоть до посадки в «Ми-8», а вот в вертолете уже навалился настоящий страх. Когда геликоптер набрал высоту и Семеныч распахнул дверь, Обнорский вдруг понял, что ему сейчас придется шагнуть в пропасть с каким-то мешком за спиной, и буквально прирос к скамье. Дорошенко между тем хохмил, пытаясь поднять дух всех, кто находился в вертолете: сел на пол, свесил ноги в открытую дверь и начал ими болтать. От этой «веселой» картины Андрея вовсе замутило, он оглянулся на своих йеменских коллег – их лица также не выражали особой радости, потому что опытных десантников в бригаде просто не было, лишь некоторые успели сделать по два-три прыжка.

Семеныч между тем встал, поправил подвесную систему своего парашюта (Дорошенко прыгал не на «дубе», как все остальные, а на «крыле» – система его парашюта называлась УТ-15) и помочился в открытую дверь. Заорала сирена, и первая пятерка, в которую входил Андрей, поднялась и начала цеплять за трос карабины своих вытяжных. На негнувшихся ногах Обнорский приблизился к двери, глянул вниз, понял, что не прыгнет никогда в жизни и ни за какие деньги или ордена, хотел повернуться к Дорошенко и честно заявить ему об этом, но не успел – майор левой рукой хлопнул Андрея по плечу, давая сигнал на отделение, а пра-

вым коленом незаметно толкнул Обнорского в зад, так что тот, не успев, что называется, даже мяукнуть, вывалился из вертолета. Воздушный поток подхватил и завертел Андрея, с испугу померещилась ему перед глазами собственная задница, однако через несколько бесконечных секунд Обнорский почувствовал сильный рывок, его тряхнуло, а когда он поднял глаза, то увидел над головой раскрывшийся белоснежный перкалевый купол, заслонивший почти все ярко-голубое утреннее небо. Андрей заорал от счастья, что-то запел, глянул вниз – высота уже не казалась ему такой страшной. Было ощущение, что он неподвижно висит в хрустально-чистом воздухе, напоенном солнечным светом и тишиной, – вертолет тархтел уже где-то вдаль, и от него продолжали отделяться крошечные человеческие фигурки...

Приземлился Андрей удачно, войдя сведенными ступнями в мягкий песчаный бархан, быстро погасил купол, собрал парашют и лег на спину, глядя в подаренное ему небо. Накал испытываемой им эйфории был настолько силен, что ему немедленно захотелось прыгнуть еще раз, чтобы снова испытать это ни с чем не сравнимое удовольствие мгновенного перехода от дикого ужаса к полному счастью...

Так оно потом и пошло – в ночь перед прыжками Обнорский не спал, мучимый страхами (ему постоянно казалось, что он сделал какую-то роковую ошибку при укладке парашюта), зато, прыгнув, он чувствовал себя на вершине блаженства, хозяином своей судьбы, суперменом, победителем и Бог знает кем еще... Постепенно прыжки начали засасывать Андрея, как настоящий наркотик. Семеныч видел, что происходило с парнем, посмеивался, говорил, что пока это все еще цветочки, а потом начнутся сложные выброски – с оружием, ночью, на море...

Возвращаясь каждый вечер в Аден (ночевать в бригаде Семеныч не любил, хотя Абду Салих и Мансур постоянно намекали на то, что, мол, было бы лучше, если бы советник всегда, что называется, находился под рукой), Андрей окунался совсем в другую среду – жизнь советского военного гарнизона Тарик была полна скрытых и явных противоречий и интриг.

Все население гарнизона делилось на несколько неоднозначно относящихся друг к другу групп. Самым бросающимся в глаза было некое – официально, естественно, никем не декларируемое – противостояние хабилов и мутаргимов²⁶. В категорию хабилов автоматически попадали все советские офицеры – не переводчики независимо от того, были ли они на самом деле специалистами или занимали ступень повыше и назывались мусташарами²⁷. Как правило, хабиры и мусташары были старшими офицерами от майора и выше, не моложе тридцати четырех – тридцати пяти лет. Их юность прошла по разным отдаленным гарнизонам и была наполнена безденежьем и всем тем, что в уставе называлось «тяготами и невзгодами воинской службы». Первые относительно большие (в советском понимании, конечно) деньги они увидели в Йемене, и, естественно, далеко не все смогли перенести такой шок. У многих хабилов развилась настоящая болезнь, которую в Йемене называли «чековая лихорадка», или «чеканка»²⁸. Желание накопить как можно больше чеков подчас принимало просто уродливые формы – люди экономили на всем: на еде, одежде, даже на предметах личной гигиены (был, например, один хабир, который, чтобы не покупать в магазине зубную пасту, чистил зубы... хозяйственным мылом).

Конечно, не все хабиры доходили до откровенного скотства, но, как показывала практика, «чеканка» была болезнью опасной и заразной.

Переводчики (мутаргимы) были в основе своей либо младшими офицерами (до капитана), либо вовсе курсантами или студентами. Их было меньше – в среднем один переводяга на четырех хабилов, – они были моложе и в основной своей массе учились или служили в столи-

²⁶ Мутаргим – переводчик (арабско-йеменский диалект).

²⁷ Мусташары – советники (арабск.).

²⁸ От слова «чек». В чеках Внешпосылторга выплачивалась та часть зарплаты, которая откладывалась на книжку.

цах или крупных центрах. А потому смотрели на хаби́ров как на убогих, как городские на деревенских. Хаби́ры, естественно, платили мутаргима́м лютой «взаимностью». Однажды квинт-эссенцию отношений между этими двумя группами четко сформулировал сосед Андрея Илья Новоселов.

Этот симпатичный веселый курсант пятого курса ВИИЯ понравился Андрею с первого взгляда – он вернулся на побывку в Аден через неделю после приезда Обнорского. Ребята поладили сразу – им было о чем поговорить, Илья оказался парнем начитанным и остроумным, в нем совершенно не было тяжелого военного дубизма. Илья, как почти все курсанты ВИИЯ, прекрасно знал традиции, легенды и предания военных переводчиков – в его институте их передавали от поколения к поколению. Новоселов бескорыстно решил просветить абсолютно серого в этих вопросах Обнорского.

– Ты пойми, Андрюха, – вещал Илья, валяясь на кровати. – Почему хаби́ры нас ненавидят? Потому что они пыхтели лет пятнадцать – двадцать в каком-нибудь Усть-Ужопинске и командировку сюда получили всеми правдами-неправдами, вылизыванием задницы начальству и еще черт знает чем, о чем даже им вспоминать противно. И тут они видят молодых, наглых, шибко грамотных, которые уже в своем сопливом возрасте за кордоном – и имеют все, о чем нормальный пехотный офицер даже мечтать не может. Притом ведь многие наши начинают в загранку ездить с курсантских времен и знают, что еще поедут, а потому не жмутся и не экономят, как те, кому обратно в Усть-Ужопинск возвращаться. Может это хаби́ру нравиться? Нет! Поэтому он спит и видит, как бы переводяге подлянку скроить, чтоб служба медом не казалась. Это с одной стороны. С другой стороны, они нашу работу за работу не считают – чего, мол, там сложного, знай языком мели... Но есть еще одно немаловажное обстоятельство: они нас боятся. Они считают, что мы все работаем либо на ГРУ, либо на Комитет и постоянно закладываем своих советников. Хотя этим фирмам информация про наших придурков просто даром не нужна – без них дел хватает. Ну а мы, естественно, друг другу помогаем, мы друг друга знаем, у любых двоих переводяг всегда найдется куча общих знакомых – отсюда и возникают все эти кошмарные хаби́рские страшилки про переводческую мафию, которая может все... Тьфу, уроды!

– Ну ты уж не преувеличивай, – смеялся в ответ Обнорский. – Не все они такие монстры, взять хоть моего, например, – вполне нормальный мужик. И не жадный – все небо мне подарил...

– Исключения лишь подтверждают правило, – не соглашался Илья. – Да и ты насчет своего не торопись с выводами – неизвестно, как он поведет себя в пиковой ситуации... Хаби́р – он по природе своей жаден, завистлив, туп и труслив... Раньше знаешь как ребята говорили, которые еще в Египте и Сирии воевали: хороший хаби́р – мертвый хаби́р.

– Типун тебе на язык, Илюха! – Андрею стало уже не смешно. – Не дай бог накараешь... Просто тебе с твоими советниками не повезло.

– Да уж, это точно, – мрачно согласился Новоселов. – Знаешь, что тут недавно товарищ полковник Кий задвинул? Высчитал, сколько чеков ему капает за то время, что он в сортире сидит. Чуть не рехнулся от этой цифры, говорит: я, мол, за такие деньги даже в тюрьме сидеть согласен...

(Иван Богданович Кий был старшим советником командира Эль-Анадской бригады, где переводчиком работал Илья. Позже этот полковник прославился тем, что, уезжая окончательно из Йемена, увез с собой все что мог – даже дверные ручки из занимаемой квартиры.)

– Справедливости ради нужно признать, – добавил Илья, – что хаби́ры попадаются и среди переводяг. Хаби́р – это слово ругательное, и обозначает оно не профессию, а социально-психологическую суть человека. А среди переводяг редко, но тоже встречаются такие,

которые начинают писать книги «ГУК и ЧЕК»²⁹. Только таких наши вовсе за людей не считают, и куда бы они потом ни приехали – о них все будут знать. Переводяги – это, конечно, не мафия, но каста. Или клан, если хочешь... Мы должны держаться друг за друга и за традиции – иначе хабируги нас сожрут...

Вторая линия противостояния в гарнизоне Тарик проходила перпендикулярно первой и делила всех на бригадных и аппаратных. Эти две группы относились друг к другу неприязненно уже вне деления на хабиров и мутаргимов, это была старая как мир взаимонеприязнь окопников и штабных. Бригады в основном были раскиданы по всей стране, и добираться до них было долго и сложно. Общий порядок был такой: двадцать пять дней советники и переводчики сидели по своим бригадам (живя подчас просто в кошмарных условиях – землянках, пещерах, хижинах из консервных банок), а на пять дней в конце каждого месяца все съезжались в Аден на «командирскую учебу» и короткий отдых.

Так было в теории. На практике же бригадные зависали на своих точках и на два месяца, и на три – то транспорта до Адена не было, то обстановка обострялась. Связь со столицей была очень плохой, и подчас о людях неделями не было, что называется, слуху и духу, жены советников впадали в истерики, не зная, живы ли еще их мужья или уже нет. (На острове Сокотра в Индийском океане, на котором, как сказал однажды в передаче «Клуб кинопутешественников» Юрий Сенкевич, побывали лишь считанные европейцы, четверо русских просидели однажды безвылазно четыре месяца, потому что, как только к ним собирался самолет или вертолет, по закону подлости портились метеоусловия, а когда устанавливалась погода – почему-то не было либо исправных вертушек, либо топлива для их заправки.)

Ко всем этим прелестям добавлялось то обстоятельство, что в отдаленных провинциях было неспокойно – на границах периодически постреливали, туда-сюда шастали банды контрабандистов, муртазаков (наемников) и племена бедуинов, не подчинявшиеся никому, кроме своих шейхов. Да и сами отдаленные бригады далеко не всегда были лояльно настроены по отношению к аденскому режиму, поэтому бригадные подчас не знали, от кого скорее ждать пули – от «своих» или «чужих». Измученные, грязные, вшивые, они, приезжая на короткий отпуск в столицу, с ненавистью и завистью смотрели на чистеньких и ухоженных аппаратских, живших в Адене в относительной безопасности.

С другой стороны, у бригадных часто открывались каналы «дополнительных заработков» – при разгромах караванов контрабандистов советским офицерам порой перепало кое-что от йеменских друзей – магнитофоны, тряпки, сигареты... Несмотря на то что это было абсолютно незаконно, бригадные по-тихому перепродавали «трофеи» в Адене по ценам ниже государственных. Было у бригадных и оружие, которого не было у аппаратских, поэтому штабные слегка побаивались тех, кто, одичав вдали от столицы, приезжал на короткие побывки. (Аппаратчики иногда покупали у бригадных гранаты, чтоб глушить рыбу в океане и экономить таким образом деньги на еде. Такса была известной: одна «лимонка» – две бутылки водки.)

В первые дни возвращения бригадных аппаратские старались не попадаться им на глаза – бригадные сильно пили, становились буйными и опасными, могли выкинуть что-нибудь этакое, о чем и сами бы потом пожалели, но ведь это было бы уже потом... О том же, что происходило в самих бригадах, по-настоящему не знал никто. Даже если отношения между тремя-четырьмя офицерами складывались не самым лучшим образом, они были едины в одном – в Адене болтать поменьше. Переводчики тоже рассказывали друг другу не все и не всегда, а задавать лишние вопросы быстро отучали...

Но был в Тарике еще один водораздел, линия которого шла не сплошняком, а как бы пунктирно, – о ней все знали, но предпочитали не замечать, потому что она рассекала на две половинки сферу исключительной деликатности.

²⁹ Игра слов: произведение А. Гайдара называется «Чук и Гек»; ГУК – Главное управление кадров.

В гарнизоне жили два хабира, которых за глаза называли резидентами: майор Царьков Николай Васильевич, который считался советником автомобильной бригады, расквартированной в Адене, и полковник Грицалюк Петр Борисович – в «подсоветных» имел начальника главного разведуправления генштаба минобороны Южного Йемена. При этом ни для кого не было секретом, что оба эти офицера советниками числились лишь формально, а на самом деле занимались совсем другими делами: майор Царьков выполнял задачи, поставленные ему в КГБ СССР, а Грицалюк – в ГРУ Генерального штаба. Отношения между представителями этих двух издавна конкурирующих спецслужб напоминали «взаимолюбовь» кошки и собаки, они даже внешние манеры поведения выбрали диаметрально противоположные: Царьков был всегда молчалив, не улыбочив, в глаза собеседнику смотрел не мигая и имел кличку «Добрый вечер», потому что именно этой фразой он приветствовал всех даже ранним утром. Грицалюк же, наоборот, держал себя этаким рубахой-парнем, хохотал жизнерадостно по всякому поводу и держал имидж бабника, пьяницы и бильярдиста.

Эти два офицера, официально не будучи заместителями Главного, имели огромную власть и делили ее между собой, ненавидя друг друга и неустанно интригуя. Их настоящих званий и имен никто в Йемене не знал, да и, наверное, круг обязанностей мало кто представлял в достаточно полной мере. Но, естественно, и один и другой должны были собирать и отправлять наверх информацию о «положении на местах», поэтому почти все бригадные имели те или иные отношения либо с Грицалюком, либо с Царьковым. Резиденты постоянно стремились расширить сферы своего влияния, но соблюдали негласное соглашение – от одного и того же источника информацию не сосать; другое дело – побиться за источник между собой они могли, да так, что в пылу битвы этот самый источник мог оказаться и вовсе засыпанным. Бессмертна старая русская традиция, сформулированная еще Островским в «Бесприданнице»: «Так не доставайся же ты никому!»

Весь этот пасьянс откровенно разложил Обнорскому все тот же Новоселов, однако, когда Андрей впрямую спросил его, с кем лучше иметь дело, раз уж с кем-то придется все равно, Илья сказал:

– Стоп! Дальше вопросы не комментируются – здесь уже мертвая земля, где каждый умирает в одиночку.

Впрочем, для Обнорского все разрешилось довольно быстро.

В середине второй недели его пребывания на благословенной йеменской земле к Андрею в гости по-простому зашел Царьков (Илья как раз ушел в дуكان³⁰ за хлебом и сигаретами) и, сказав сакраментальное: «Добрый вечер», завел долгий разговор, в ходе которого изложил свое видение того, как именно молодой переводчик должен выполнять «интернациональный долг». Поскольку в самом начале беседы комитетчик упомянул Машу и сказал, что «в Москве о ней очень хорошо отзываются», Обнорский понял, что могучим ураганом уже давно все учтено и смысла рыпаться нет никакого.

Поэтому Андрей на общие рассуждения Царькова отвечал кивками и ждал, когда майор перейдет к конкретике. Ждал с внутренним напряжением, потому как не знал, что именно может прежде всего интересовать Царькова: «внешняя» информация, касающаяся йеменской стороны, или «внутренняя», то есть «доверительные рассказы» о своих сослуживцах, или, проще говоря, элементарное стукачество. На восточном факультете, естественно, стучали, причем, безусловно, чаще и громче, чем в других вузах, как-никак заведение все же было не совсем обычным, однако и Андрей, и его близкие друзья относились к «барабанам» с нормальным презрением, правда, не ко всем. Официальный стукач их группы Сашка Дорофеев не только не делал тайны из своих «обязанностей» для одноклассников, но и советовался с ними, что на кого писать, честно предупредив, что писать только хорошее нельзя – не пове-

³⁰ Дуكان – лавка (арабск.).

рят. Поэтому ребята старательно выдумывали сами себе мелкие грехи и правдоподобно «легендировали» их так, чтобы у кураторов Дорофеева не возникало сомнений относительно того, каким образом Сашка добывал сведения. Впрочем, курсе на третьем Обнорский начал подозревать, что кроме Дорофеева в их группе есть еще один информатор – в Сашкиной тени, «свой в доску, носки в полосу». Это было бы вполне в духе их факультета – коробочки с двойным дном. Или с тройным. Самому же Обнорскому за все время учебы ни разу никто даже не намекнул о том, что неплохо, мол, было бы «поярче осветить ряд вопросов» – в самых благих для Родины и самого «освещаемого» целях, разумеется... Поэтому, слушая, как Царьков «разминает его», Андрей хмурился, нервничал и курил сигарету за сигаретой. Царьков, видимо, понял его внутреннее состояние, потому что скупой улыбнулся и сказал:

– Ваши сослуживцы и вообще наши с вами соотечественники меня практически не интересуют. Этим занимаются другие люди, а я этих вопросов не касаюсь. За исключением, конечно, каких-нибудь экстраординарных ситуаций, когда никто из нас, офицеров и коммунистов, просто не может остаться в стороне.

Обнорский хотел было сказать, что он, будучи студентом и комсомольцем, не попадает в категорию коммунистов и офицеров, но благоразумно промолчал, вовремя вспомнив, что несдержанность уже не раз его подводила и даже чуть было не сделала невыездным.

Комитетчик сделал грамотную паузу, во время которой просверлил Андрея насквозь своими холодными бледно-серыми глазами. Обнорский взгляд выдержал, и Царьков продолжил:

– По-настоящему меня интересует ваша бригада, ее боеготовность, командиры, ориентация офицеров. Вы знаете о том, что... в последнее время в республике... э-э... достаточно четко обозначается некое размежевание?

Андрей молча кивнул. Майор, будто не заметив кивка, продолжал ровным голосом:

– Оба лидера – Али Насер и Абд эль-Фаттах, безусловно, не выходят за рамки социалистической ориентации... По крайней мере заявляют об этом. Но мы должны быть готовы к любому развитию событий. Для этого важно, я бы даже сказал – архиважно – представлять реальное соотношение сил и средств... Йемен – наша база, наш плацдарм, имеющий огромное стратегическое значение, – Баб-эль-Мандебский пролив, Африканский рог, Индийский океан... Вы все это, конечно, знаете... А вот то, что именно в вашей бригаде возможно в ближайшем будущем пересечение самых... э... э... серьезных интересов разных сил, наверное, для вас новость?

– Каких сил? – несколько растерялся Обнорский.

– Разных, – спокойно ответил Царьков. – Самых разных. Не будем останавливаться на этом сейчас подробно. Возможно, позднее... Не скрою от вас, я вначале был несколько удивлен, что на должность переводчика именно в эту бригаду, на которую сделали ставку многие серьезные люди, попали именно вы. Но вы знаете, очевидно, как у нас обстоят дела с кадрами?

– Да, – кивнул Андрей.

Майор усмехнулся и продолжил:

– Поэтому именно вам придется заниматься тем, чем, по идее, должен был бы заняться чуть более опытный товарищ. Но вы не волнуйтесь, можете всегда на нас рассчитывать – если что, мы поможем, подкорректируем. Я думаю, у вас более чем достаточно стимулов справиться с тем грузом ответственности, который вам доверили, – особенно учитывая ваше семейное положение...

«Опять на Машу намекает». Обнорский закурил новую сигарету.

– Что же касается наших йеменских друзей... – Царьков помахал рукой, разгоняя сигаретный дым. – Не будем обманывать себя – идеологически они далеко не всегда тверды в своих убеждениях, поэтому нам и нужно за ними деликатно присматривать – как старшим товарищам, чтобы вовремя подправить что-то, не дать возможности мелким ошибкам превратиться в неисправимые... Кроме того, вы вскоре убедитесь, что в вашей бригаде народ соберется

довольно пестрый. Могут среди прочих быть и откровенные враги. К этому нужно быть готовым и не спешить доверять любому и каждому. Чтобы не получить в итоге пулю в спину.

Андрей вскинул на Царькова вопросительный взгляд, и тот кивнул:

– В прямом и переносном смыслах, Андрей Викторович... Через некоторое время у вас в бригаде объявятся палестинцы... Мне бы хотелось, чтобы вы обратили на них особое внимание.

Они побеседовали еще минут десять, оговаривая «режим взаимодействия» – периодичность и места встреч (Царьков, естественно, не хотел разговаривать и встречаться с Обнорским у всех на виду, как он выразился, «во избежание ненужного ажиотажа»), а также механизм экстренных вызовов. Учитывая, что в Йемене с такими цивилизованными средствами связи, как телефон, например, было не то что напряженно, а просто никак, – все эти экстренные сигналы сильно напоминали цветочные горшочки Плейшнера из «Семнадцати мгновений весны».

– Да, вот еще что, – добавил комитетчик, уже уходя, остановившись в дверях. – Седьмая бригада спецназа напрямую подчинена местному ГРУ. Возможно, советник начальника этого управления полковник Грицалюк захочет вскоре также побеседовать с вами... Не стоит чего-то опасаться, если он начнет как-то давить на вас. Только скажите об этом мне – как можно раньше...

После его ухода настроение у Обнорского как-то упало, и, чтобы поднять его, потребовалось вливание некоторого количества алкоголя в организм, переросшее после прихода из дукана Ильи в обычную холостяцкую пьянку. Кстати говоря, в Южном Йемене никаких проблем со спиртным не было – в этой стране ислам не был продекларирован государственной религией, а следовательно, многие его запреты попросту игнорировались. Крепкие спиртные напитки, вино и пиво можно было купить и в барах, и в государственных магазинах. Правда, там все это стоило достаточно дорого, но советские офицеры получали так называемый паек, распространяемый через кооперативный магазин в Аппарате. В ежемесячный паек, помимо разной, в основном консервированной, еды, входили бутылка водки 0,75, две бутылки по 0,5, две бутылки коньяку, две – шампанского, две – крепленого вина, две – сухого, бутылка рижского бальзама и ящик финского пива. Вся эта радость, естественно, не была абсолютно бесплатной, но стоила сущие копейки. Если был какой-нибудь государственный праздник, алкогольный ежемесячный паек автоматически удваивался.

Прибывший в Аден в конце октября Обнорский уже через несколько дней получил на руки двойную норму на себя и на Илью, он еле дотащил все банки и бутылки до дома. Маленькая тридцать четвертая комната стала напоминать винный склад, что, естественно, способствовало быстрому сближению Андрея и вернувшегося через день из Эль-Анада курсанта Новоселова.

Вскоре на огонек к ним заглянул Леха Цыганов, обладавший замечательным нюхом на те места, где наливают. Ребята еще не успели дойти до кондиции, когда в дверь постучали. Илья со вздохом пошел открывать – бригадные переводчики не любили неожиданных вечерних стуков в дверь, потому что часто оборачивались они срочным незапланированным отъездом в родную бригаду или какой-нибудь работой, которую поручал отпускникам референт Пахоменко, справедливо полагавший, что, чем сильнее молодежь грузить, тем быстрее они станут профессионалами. Ну и пить опять же будут меньше.

Но в этот раз гость пришел без неприятных известий: молодежь почтил своим вниманием свой – капитан Виктор Кукаринцев, переводчик полковника Грицалюка. Кукаринцев окончил в свое время ВИИЯ, был кадровым переводчиком, за глаза ребята называли его Кукой. Кука был удивительно похож на Пашку Америку из знаменитого кинофильма «Трактир на Пятницкой», только глаза у капитана были не живыми и веселыми, как у киногероя, а холодными и неподвижными. В отличие от большинства переводчиков, походивших своей чернявостью и чертами лица на представителей разных народов Востока, Кука был светло-русым и голубо-

глазым, а вот черты его лица имели некую особенную размытость, абсолютную заурядность. Андрей как-то раз поймал себя на мысли о том, что капитана Кукаринцева можно было бы принять за человека любой профессии и национальности – в зависимости от того, во что его одеть. Арабским Кука владел не просто хорошо – он владел языком в совершенстве, правда, говорил на нем с ярко выраженным мягким сирийским акцентом. В нем было что-то неприятное – то ли холодный взгляд, плохо сочетавшийся с постоянной полуулыбкой на тонких губах, то ли чрезмерная, какая-то змеиная гибкость фигуры. Обнорский, отдавший занятиям дзюдо много лет и автоматически оценивавший людей по их движениям как потенциальных противников, не хотел бы встретиться с капитаном на узкой дорожке – несмотря на то, что Кука весил килограммов на десять меньше Обнорского, его плавные движения выдавали глубокое знание секретов рукопашного боя.

Странное впечатление производил капитан Кукаринцев... Тем не менее он был «законным» переводягой, да еще старшим, поэтому его, по традиции, полагалось встречать со всем возможным почетом и уважением.

Что ребята и сделали – без особого, впрочем, восторга. Однако Кука сразу же легко вписался в вечеринку, начав с ходу травить разные смешные байки про хабиров, от одной из которых Андрей чуть не лопнул от смеха.

– Я тогда в Сирию курсантом попал – вот как Илюха, – рассказывал Кука, приняв две рюмки водки и расслабленно развалившись в кресле, – как раз война с евреями шла. Ну меня, как положено, в бригаду и на фронт. Советник попался – полный мудака, полковник Милосердов. Он почему-то вбил себе в башку, что лучшая смерть для военного – это героическая гибель на поле боя, так и лез под пули, и ладно бы сам, так и меня, сука, с собой тянул. Слава Богу, война быстро закончилась, и нас в Дамаск отозвали. Тамошний Аппарат в так называемом Белом доме располагался, старшие офицеры по нему периодически на дежурство заступали. И надо же такому случиться, что мой пенек дежурил, как раз когда Хафез Асад³¹ надумал по итогам просранной кампании речь к народу двинуть. Причем надумал к ночи; всех свободных переводяг сразу в Белый дом дернули через приемник речугу слушать и переводить с ходу – каждый предложение по очереди выхватывает и толмачит, а потом все это вместе сводится на бумаге – и Главному, чтобы в курсе был... А тогда в Дамаске истерия была, все почему-то израильского десанта ждали, поэтому и мы прибыли в Аппарат с автоматами и в касках. Расселись вокруг стола, на котором приемник стоит, автоматы на пол положили. Ждем. Тут Асад начинает говорить: мы, мол, чуть было не взяли такие-то и такие высоты и населенные пункты противника... А конструкцию такую выбрал для этого предложения, что по-арабски это звучало так: мы взяли такие-то и такие-то высоты и населенные пункты противника, а «чуть было не» выносилось в самый конец предложения после длинного перечисления названий всех высот и населенных пунктов, которые так и остались у жидов. Так вот, когда Асад начал перечислять все эти названия, население ничего не поняло – решили, что свершилось чудо и что все это на самом деле взяли. И начали салютовать выстрелами вверх из автоматов и пистолетов. Так резво салютовали, что впечатление было – по всему Дамаску начался ожесточенный бой... Мой Милосердов всю эту канонаду услышал и как заорет: «Израильский десант!» И ничего умнее не придумал, как послать на крышу нашего Белого дома Марата Сайфулина, переводчика из мгимов³², которого по зрению на фронт не отправили – у него очки были со стеклами сантиметровой толщины. Ну и папа – крупный политический обозреватель, «Международную панораму» вел... Маратик, естественно, хватает автомат – и на крышу. Мы сидим спокойно – какой, в жопу, десант, все ведь уже закончилось. Но тут вдруг слышим – с крыши длинными автоматными очередями лупить начали... Тут даже мы растеря-

³¹ Хафез Асад – президент Сирии.

³² МГИМО – Московский государственный институт международных отношений.

лись – если нет десанта, то в кого же тогда этот мгимошник лупит? А Милосердов, которому не удалось героически погибнуть на поле брани, весь аж расцвел – хватает телефонную трубку и кому-то докладывает, что Белый дом, мол, окружен израильским десантом, ведем бой и т. д. А среди прочего вдруг заявляет: «Принимаю решение на подготовку к ликвидации». Вот тут мы все по-настоящему перепугались, потому что ходили слухи, что, дескать, весь Белый дом нашпигован взрывчаткой и если что – достаточно нажать какую-то кнопку, и общий привет... Бог его знает, была эта кнопка или нет, но я-то знал, что, если она есть, – мой псих ее обязательно нажмет. Очень уж ему хотелось героем стать. А Маратик, между прочим, наверху не унимается – лупит себе и лупит из автомата, он ведь, гад, на крышу с подсумком полез – как-никак четыре рожка... Мы с ребятами переглянулись – и у всех на рожах мысль одна: про эту кнопку. Милосердов между тем по всем советским учреждениям в Дамаске названивает – израильским десантом пугает. Мы перешепнулись и, чтоб не дай бог этот мудака до кнопки не дополз, решили электричество вырубить. Думали, что кнопка-то – она тоже электрическая... Это потом уже нам объяснили, что если такая кнопка и была, то с автономным питанием... Короче, когда свет погас, Милосердов совсем обезумел, заорал: «Провода перерезали, суки!» – и куда-то понесся, завывая на ходу. Видать, кто-то в темноте, решив, что полковник к кнопке бежит, ему ногу подставил – и вошел мой хабир своим лбом аккуратно в дверной косяк. И вырубился. А мы на крышу полезли за Маратиком, помню, радовались еще, что этот ухарь фанат с собой не захватил... Там ведь что оказалось... Когда Маратик из кондиционированного помещения вылез, у него очки сразу запотели – ночь-то была душная, он их решил было протереть, но от волнения так руки тряслись, что уронил их с крыши-то. А без очков он не видел ни хрена. Только размытые какие-то очертания. Напротив Белого дома стояло здание корейского торгового представительства, мирный дом, где на крыше простыни сушились, как на Востоке принято. Маратик с перепугу и слепо эти простыни за парашюты десантников принял и открыл беспощадный огонь... Слава Богу, не убил никого: корейцы – люди дисциплинированные, как только стрельба по дому пошла – попадали все на пол, так и лежали потом всю ночь... Единственной жертвой «отражения еврейского десанта» стал один бедолага прапорщик: он приперся в наше торгпредство водки шлепнуть, когда Милосердов туда позвонил и сказал, что сброшен на город десант. Этого прапора выкинули в сад и заперли двери: мол, ты военный, вот и охраняй нас. И этот прапор с пистолетом Макарова всю ночь в саду просидел, от ужаса поседел полностью и малость головой двинулся...

К концу рассказа Куки Обнорский смеяться уже не мог, а только подвывал обессиленно. Леха Цыганов тоже ржал как сумасшедший, а вот Илья – обычно смешливый – почему-то лишь улыбался.

Когда Обнорский выскочил в туалет, Новоселов увязался за ним и в сортире, располагавшемся в левом конце террасы, негромко сказал Андрею:

– Я эту байку уже раньше слышал – от других людей и немного в другой интерпретации... Если верить всем, рассказывавшим ее, получается, что в Белом доме вокруг этого приемника чуть ли не весь наш институт сидел...

Обнорский удивленно поднял взгляд на Илью, а тот торопливо зашептал:

– Ты с Кукой поосторожнее... Его после выпуска из нашей конторы никто несколько лет не встречал и не видел... Слухи ходили, что он сразу в ВДА³³ попал...

Андрей хотел было что-то сказать, но Илья взмахом руки оборвал его:

– Прикинь – он полгода уже в Йемене, живет без жены, но в отдельной квартире. Всем рассказывает, что жена вот-вот придет... Это притом что с квартирами полная напряженка,

³³ ВДА – сокращенное разговорное название специального учебного заведения, которое переводчики между собой называли Военно-дипломатической академией. Официально это заведение называлось по-другому – Академией Советской Армии, в ней готовили офицеров для выполнения специфических поручений партии и правительства как за рубежом, так и на территории СССР.

не хватает... И потом – подумай, зачем Грицалуку переводчик, если он сам по-арабски чешет получше нас с тобой, вместе взятых... Я сам однажды слышал случайно...

– И к чему ты это мне говоришь? – спросил начавший трезветь Обнорский.

– К тому! – огрызнулся Новоселов. – Ты что, совсем деревянный? Чтоб ты повнимательнее был, вот к чему... А то есть у нас такие – «свои в доску, носки в полоску», а потом, правда, по-другому выходит – «соски в тиски – снимай носки». Понял?

– Понял, – ответил Андрей. – Спасибо, Илюха.

– Спасибо не булькает, – хмыкнул Новоселов, подходя к двери их комнаты.

Они застали у себя только Кукаринцева, сообщившего, что Цыганов принял посошок и пошел баиньки.

– Мне тоже пора, – сказал Кука, пожимая ребятам руки и направляясь к двери. – Да, я что сказать-то хотел – забыл совсем... Андрей, у тебя ведь завтра в бригаде большое событие – «тропу разведчика» открываете? Мы с шофером к вам заедем посмотреть, так что – готовьтесь принимать гостей. До завтра...

После его ухода ребята несколько минут молчали, а потом Андрей, задумчиво почесав нос, сформулировал риторический вопрос:

– Интересно, а откуда он про «тропу разведчика» узнал? Семеныч сказал, что ли?..

– В Управлении своем узнал, – ответил Илья и предложил: – Давай перед сном на терраске покурим, а то у нас не продохнуть. Заодно и проветрим...

Облокотившись на перила террасы, ребята закурили, глядя на невероятно яркие звезды в бархатно-черном небе. Докурив свою сигарету до половины, Илья негромко сказал Обнорскому:

– Андрюха, давай теперь так: все серьезные разговоры – только на улице. В комнате – про баб, водку и книжки. Впитал?

– Ты что, думаешь, что Кука... – начал было Обнорский, но Новоселов перебил его:

– Ничего я не думаю... Просто так лучше будет. У меня дружок один был с «курса дураков»³⁴, так вот он любил приговаривать: «Лучше перебздеть, чем недобздеть».

– А почему в прошедшем времени? Почему был?

– Сбили его в прошлом году в Анголе – он на транспортнике бортпереводчиком летал...

Ребята помолчали, потом Андрей швырнул вниз, на землю, взорвавшуюся оранжевыми искрами сигарету и искоса глянул на Новоселова:

– Илюха, ты ведь меня не знаешь совсем... И я ведь не ваш – я гражданский...

– Какая разница – гражданский, кадровый, вместе живем, вместе едим... А насчет того, что мало знакомы, так я тебя проинтуичил. Вроде не похож ты на суку потную...

Обнорский хмыкнул польщенно и скептически одновременно:

– А если ты все же ошибаешься?

Илья сделал последнюю затяжку, выкинул окурочек и насмешливо глянул на Андрея:

– Если ошибаюсь, значит, ты гениальный актер, а я – мудак и мне не повезло. Хотя ничего такого особенного я ведь тебе и не говорил, правильно? Ладно, пошли спать, поздно уже, тебе завтра встать сосранья...

«Тропой разведчика» в Седьмой бригаде называли полосу препятствий, которую начали строить в месте новой дислокации бригады еще до прилета Андрея в Аден. В Советской Армии эта полоса вряд ли кого-нибудь могла сильно удивить, но в Йемене ее открытие стало довольно значительным событием в жизни местных вооруженных сил.

³⁴ «Курс дураков» – так называемые ускорники в ВИИЯ – афганисты и португалисты; эти ребята получали через одиннадцать месяцев обучения звания младших лейтенантов и направлялись, соответственно, переводчиками в Афганистан, Анголу и Мозамбик. Те, кто возвращался через два года, доучивались уже офицерами.

«Тропа разведчика» занимала площадь, равную примерно футбольному полю, и состояла из двадцати объектов разной категории сложности – трамплины, горки, лесенки, лабиринты, рвы и стены, имитирующие развалины домов. Собственно говоря, торжественное открытие «тропы разведчика» было несколько преждевременным – полюсу оставалось оборудовать огневыми рубежами, чтобы проходящие ее десантники могли вести на ходу огонь по появляющимся с разных сторон мишеням. Тем не менее ждать не стали, поскольку на мероприятие заранее были приглашены большие шишки – начальник генерального штаба Алейла и министр внутренних дел Али Антар. Генерал Алейла был в Южном Йемене человеком очень авторитетным и влиятельным, пожалуй, реальной власти у него было побольше, чем у министра обороны. Поговаривали даже, что сам лидер оппозиции Абд эль-Фаттах Исмаил – не более чем игрушка, марионетка в руках Алейлы. Министр внутренних дел Али Антар также принадлежал к клану оппозиции, и то, что на открытие «тропы разведчика» в бригаду спецназа приехали сразу два крупных оппозиционера и ни одного серьезного представителя президента Али Насера, говорило о многом. Это была своего рода демонстрация силы. Комбриг Абду Салих целовался и обнимался с высокими гостями, а замполит майор Мансур выглядел мрачнее тучи – не улыбался, а как-то нехорошо щерился... Разных офицеров понаехало много, прибыл и Грицалюк со своим «подсоветным» – начальником местного ГРУ. Кука держался поодаль от них, и Андрей убедился в справедливости слов Ильи о том, что переводчик полковнику абсолютно не нужен, – Грицалюк тараторил по-арабски, как исправный пулемет.

Поначалу открытие «тропы разведчика» шло в лучших советских традициях: длинную и маловразумительную речь о необходимости защиты революции от посягательств империалистов сказал Алейла, его сменил Али Антар, а потом на маленькую импровизированную трибуну забрался Грицалюк. Обнорский слушал его вполуха: думал о своем и мечтал о том, чтобы эта нудная церемония поскорее закончилась, – стоять в строю бригады под набиравшим с каждой минутой силу солнцем было утомительно. Между тем Грицалюк перегнулся с трибуны и что-то, улыбаясь, сказал Алейле, начальник генштаба оживился и закивал. Грицалюк выпрямился и закончил свое выступление неожиданно:

– Для того чтобы открытие полосы препятствий было настоящим, ее надо обновить, как говорят в Союзе. Сейчас ее показательно пройдут два офицера – йеменский и русский.

Бригада оживилась, загомонил в предвкушении зрелища. «Интересно, – подумал Андрей, – кого из русских он имеет в виду? Кукарицев, что ли, побежит?»

Однако Кука, одетый в легкие брюки и рубашку с короткими рукавами, явно был экипирован не для физических упражнений. Грицалюк что-то сказал ему, и капитан направился к Обнорскому:

– Ну, студент, не подведи – не зря же тебя шеф в своей речи в офицеры произвел...

Андрей непонимающе закрутил головой, а Кука продолжил, улыбаясь:

– Давай, давай, выходи на рубеж и не срами отечество. Ты же у нас спортсмен, для тебя эта полоса – раз плюнуть...

– Да, но... – растерялся Обнорский. – Я же никогда не пробовал...

– Вот и попробуешь заодно, – засмеялся Кука. – Все когда-нибудь случается в первый раз...

Андрей обернулся к Дорошенко, но Семеныч ответил ему лишь растеряннo-умоляющим взглядом. Обнорский вспомнил слова Ильи о хабирах, сжал зубы и пошел к двухметровому трамплину, с которого начиналась тропа. Там его уже поджидал старший лейтенант Али Касем – командир взвода из парашютного батальона (условно Седьмая бригада делилась на три батальона – парашютно-десантный, диверсионный и батальон морской пехоты). Али Касем ободряюще подмигнул Андрею. Этот офицер внешне сильно отличался от своих йеменских собратьев и больше походил на европейца, чем на араба. Объяснялось это просто – его мать была англичанкой, а отец – йеменцем.

Одетые в одинаковую пятнистую форму кубинского производства и обутые в высокие шнурованные ботинки, Андрей с Али Касемом были похожи, как родные братья, – оба смуглые, черноусые, с вьющимися волосами и прищуренными карими глазами. Правда, Обнорский был выше старшего лейтенанта почти на голову, но в Йемене практически нет высоких мужчин...

Генерал Алейла вынул из кобуры пижонский никелированный кольт и выстрелил в воздух – Андрей понял, что старт дан, и, набирая темп, побежал к трамплину...

Уже на середине тропы Обнорский очень пожалел о выпитом накануне – пот заливал лицо, сердце вышибало изнутри ребра, а горячий воздух обжигал высохшую гортань. Утешало лишь то, что Али Касему было явно не легче, хоть он и опережал Андрея на несколько метров. Обнорский представил себе, с какой иронией будут смотреть на него Кука с Грицалюком, если он проиграет этот экспромтный забег, и у него открылось второе дыхание. Развалины дома он прошел с Али Касемом ноздря в ноздю, а на лесенке и переправе через ров «по-тарзаньи» сумел вырваться вперед. Дальше шел лабиринт из колючей проволоки, где нужно было передвигаться ползком по-пластунски, на этом объекте Али Касем снова обогнал его, потому что в отличие от Андрея, видимо, не боялся разорвать в клочья форму. Обнорский же, получивший камуфляжку несколько дней назад, инстинктивно берег ее и из-за этого полз медленнее и осторожнее. Снова стенка, потом бревно, кувырок в окно, прыжок через яму, еще один ров с канатным мостом... У Андрея перед глазами начали плыть оранжевые круги, он уже не слышал ничего, кроме собственного хриплого дыхания, хотя Семеныч потом рассказывал, что, когда Обнорский и Али Касем одновременно подбежали к последнему объекту, гвалт в бригаде стоял такой, «будто сто тысяч обезьян перецарапались».

Последним объектом была семиметровая кирпичная стена, по обе стороны которой сверху свисали по два каната: сначала надо было, упираясь ногами в стену, вскарабкаться по канату наверх, а потом спуститься вниз таким же макаром. Андрей не помнил, как ему удалось забраться наверх. Обессиленно перевалившись через кромку стены, он с каким-то тупым равнодушием обернулся и увидел, что Али Касем, которому до верха оставалось метра полтора, сорвался вниз, растянулся на жестком песке, потом медленно встал и, шатаясь, снова вцепился в свой канат... Обнорский свесил ноги на другую сторону стены и начал спускаться. Сил ему хватило метра на два, потом ноги потеряли упор, и он съехал по канату вниз, раздирая в клочья кожу на ладонях и пальцах... Все плыло у него перед глазами, когда он подходил, качаясь, к генералу Алейле. Начальник генштаба что-то сказал ему, Андрей ничего не понял, но на всякий случай кивнул.

– Он поздравляет тебя и благодарит за пример, поданный йеменским десантникам, – перевел Кукаринцев слова Алейлы и добавил от себя тихо: – Поблагодари и честь отдай, рейнджер...

Обращать внимание на издевку уже не было ни сил, ни желания. Андрей молча вытащил из-под пояса свой зеленый берет, надел его и поднес к правому виску трясущуюся окровавленную ладонь. Алейла хмуро глянул ему в глаза, было видно, что его расстроила неудача йеменского офицера, но потом генерал улыбнулся, снял со своей руки массивные золотые часы и протянул их Обнорскому:

– Держи, переводчик. Это тебе на память. Благодарю за службу.

На этот раз Андрей понял всю фразу без помощи Куки, он растерянно взял часы и снова отдал честь...

Между тем высокие гости хлопали его по плечам, говорили комплименты, а Обнорский только тупо кивал в ответ... Очухиваться он начал лишь в комнате советников, куда его увел Семеныч, когда визитеры отправились на экскурсию по бригаде. Дорошенко промыл ему руки перекисью водорода и наскоро перебинтовал, он постоянно что-то говорил, бросая на Андрея виноватые взгляды, но в смысл его слов Обнорский не вслушивался. Несмотря на то что он

выиграл и даже получил сказочный подарок (часы, судя по всему, действительно были золотыми, да еще с какими-то камнями на циферблате), у него на душе было муторно, как будто Грицалюк заставил его плясать голым перед арабами... Если бы Грицалюк заглянул к ним в комнату чуть попозже, может быть, их разговор и сложился бы по-другому. Но полковник ворвался к ним, когда Андрей еще не успел прийти в себя. Хохоча, полковник шлепнул его по плечу и обласкал:

– Молодцом, молодцом! Я Алейле сразу сказал, что мои люди круче! С меня – сто грамм и пончик!

Он жизнерадостно засмеялся, а Обнорскому стукнула в голову дурная кровь. Не раз ему говорила мама: «Тяжело тебе будет в жизни, сынок, с таким характером...» Андрей медленно выпрямился и, взглянув Грицалюку в глаза, вдруг выдал неожиданно для самого себя:

– А я, товарищ полковник, не ваш!

В комнате стало очень тихо, Семеныч закрыл глаза от ужаса, а Грицалюк удивленно повел головой и спросил:

– Ух ты! А чей же, если не секрет?

– Папин и мамин, – зло ответил Обнорский, стараясь унять противную дрожь в коленях.

Грицалюк снова хохотнул, но уже без прежнего энтузиазма. Потом он перевел взгляд на Дорошенко и бросил ему:

– Семеныч, будь другом, сбегай, найди моего Витю, пора домой собираться...

Дорошенко с облегчением выскочил из комнаты на улицу, а Грицалюк медленно опустился в пластиковое кресло и с интересом начал разглядывать Андрея:

– Ишь ты какой, прям конек-горбунок... А я-то надеялся, что мы будем друзьями, поработаем вместе...

Обнорский сильно прикусил губу, чтобы не сказать еще чего-нибудь, – он чувствовал, что и так уже наговорил лишнего. Грицалюк хмыкнул и продолжил:

– Да, видать, с тобой уже другие поработали... Не иначе как Колька Добрый Вечер тебе мозги засрал... Не на тех ставишь, юноша...

– Я не понимаю, товарищ полковник, о чем вы... – начал было Андрей, но Грицалюк властно перебил его:

– Хорош пиздеть. Все ты понимаешь! И я все понимаю... Смотри – тебе жить, тебе карьеру начинать...

Полковник замолчал, словно давал Обнорскому возможность одуматься и загладить вину, которой Андрей за собой не чувствовал, поэтому и не стал прерывать паузу, просто стоял и смотрел в стенку перед собой. Неизвестно, сколько бы продлилось это напряженное молчание, но тут раздался стук в дверь и в комнату вошел Кука:

– Петр Борисович, машина подана. Алейла с Антаром дальше в Лахедж собираются...

Полковник медленно встал, цыкнул зубом и, усмехнувшись, бросил Обнорскому вместо прощания:

– Ну как знаешь, юноша, как знаешь... Кстати, не забудь часы начфину сдать – принимать от местной стороны подарка дороже пяти динаров запрещается. Приказ 010 помнишь еще?

Кука, почувствовав настроение шефа, еле кивнул Андрею, как будто не сидел накануне у него в гостях и не пил его водку...

...Весь оставшийся рабочий день Дорошенко в ужасе бегал по кабинету и «дрочил» Обнорского, объясняя ему тонкости армейской субординации, а также личные возможности полковника Грицалюка по стиранию в порошок и Андрея, и его, Семеныча... Обнорский с тоской слушал нравоучения хабира, который так разошелся, что даже выдал под конец настоящую притчу:

– Однажды в очень морозный день глупый воробей вылетел из дома и от холода упал на дорогу. Приготовился уже помирать. Но мимо шла корова, решила посрать и накрыла воро-

бья лепешкой. В теплом говне воробей, мудак, отогрелся и зачирикал от счастья, шо живой остался. То услышала кошка, вытащила воробья из говна и съела. Мораль: не всякий, кто тебя обосрет, – твой враг, не всякий, кто тебя из говна вытащит, – друг. А уж если попал в говно – то сиди и не чирикай.

Как ни паскудно у Андрея было на душе, он не смог удержаться от улыбки и мальчишеского вопроса:

– Да что я такого сделал, чтоб считать, что в говно попал?

Семеныч махнул рукой и ответил без своей обычной улыбки:

– Все мы тут, сынок, в говне по уши, кроме начальства... Хотя и оно тоже... Только, может, не по уши, а по пояс...

Андрей не стал спорить с Дорошенко, понимая, что определенная крестьянская сермяга в его наставлениях и опасениях была. Понимал он и то, что из-за своего характера приобрел весьма могущественного врага. Или если не врага (будет ли полковник ГРУ опускаться до вражды с сопляком практикантом), то, во всяком случае, недруга...

...Руки у Обнорского зажили быстро благодаря Лехе Цыганову. В Адене из-за жары и чудовищной влажности любая царапина могла стать проблемой и гнить неделями, но у Цыганова, сидевшего с советниками на загадочном и таинственном острове Сокотра в Индийском океане, было в заглазнике чудодейственное снадобье, которое сокотряне называли «кровь дракона» (в Адене оно было известно как «кровь семи братьев»). Снадобье это представляло собой особым образом обработанную смолу какого-то дерева. (На Сокотре встречались десятки видов флоры, которые не росли больше нигде в мире.) Эта смола цвета темного рубина считалась в Йемене национальным достоянием и была запрещена к вывозу. По легендам, «кровь семи братьев» помогала от всех болезней и даже якобы могла восстанавливать утраченную девственность. Цыганов же, у которого был небольшой запас этой смолы, отрекламировал ее коротко: «Рядом с ней разное мумие сраное просто отдыхает». Андрей во всякое шаманство, знахарство и колдовство не верил, но после того как Леха, разжевав несколько кусочков смолы, растер получившуюся кашу по ободренным ладоням и пальцам Обнорского, раны затянулись буквально за пару дней, а на месте сорванной до мяса кожи появилась новая, молодая...

В Тарике о событиях в Седьмой бригаде в день открытия «тропы разведчика» известно стало моментально – не иначе Семеныч растрепал, – и Андрей начал превращаться в фигуру если не широко известную, то, по крайней мере, популярную. Сплетни, как всегда, круто преувеличивали его подвиги. Докатившаяся до Обнорского волна слухов, в частности, утверждала, что он успел пройти полосу препятствий дважды, пока йеменский офицер плелся до финиша, а за это Алейла подарил ему личное именное оружие, двухкассетный магнитофон «Sharp-777», часы, платиновую зажигалочку и французский столовый сервиз на двадцать четыре персоны.

В бригаде же авторитет Андрея едва ли не сравнялся с авторитетом Дорошенко, которого солдаты и офицеры называли Абу Мазалла³⁵ и считали кем-то вроде заместителя Господа Бога по парашютным делам. К Обнорскому с детской непосредственностью постоянно подбегали поздороваться молодые солдаты и офицеры – некоторые делали это по несколько раз в день. Что касается старшего лейтенанта Али Касема, то он, естественно, переживал свое поражение, но на Обнорского зла не затаил, наоборот, пока у Андрея были забинтованы руки, он раскуривал ему сигареты, бегал за лимонадом в дуكان и вообще старался всячески ухаживать и выказывать свое расположение. Впрочем, мирская слава, как известно, недолговечна, и через несколько дней в бригаде появились новые кумиры – палестинские инструкторы.

Их было трое: майор, капитан и старший лейтенант. Представляясь командованию бригады и присутствовавшим при этом Дорошенко с Обнорским, они называли лишь свои воин-

³⁵ Абу Мазалла – отец парашюта (арабск.).

ские звания и клички. Майора звали Профессором, капитана – Сандибадом³⁶, а старшего лейтенанта – Мастером. В Южном Йемене жило много палестинцев – вокруг Адена кольцом располагались лагеря беженцев, ушедших из Ливана в 1982 году, после сдачи Бейрута израильтянам, но в этих лагерях концентрировались в основном бойцы арафатовских соединений «Фатх» и их семьи. Троица, всплывшая в Седьмой бригаде, относилась к враждовавшему с Арафатом Фронту национального спасения Палестины – эта организация имела более левую, почти прокоммунистическую ориентацию. Членов ее боевых отрядов называли федаинами, и даже друг друга они знали лишь по кличкам – подлинные имена держались в строгом секрете, чтобы затруднить работу израильским спецслужбам. Да и клички время от времени менялись и перетасовывались.

Андрей не знал, кто и почему принял решение о направлении к ним в бригаду палестинских инструкторов, но догадывался, что этот вопрос обсуждался на самом-самом верху. Вспомнил он и о том, что Царьков предупреждал его о скором появлении палестинцев и даже прямо обозначил свой чрезвычайный к ним интерес. Почему? Этого Обнорский также не понимал и не знал, но он уже постепенно учился не мучить себя понапрасну теми вопросами, ответы на которые может дать лишь время или случай...

К слову сказать, Царьков был прав и в том, что народ в бригаде спецназа подобрался действительно пестрый: двое русских и трое палестинцев были в ней далеко не единственными иностранцами, одна рота из батальона коммандос, например, полностью состояла из северян – эмигрантов из Северного Йемена, которых в Санае³⁷ давно заочно приговорили к смертной казни за подпольную «революционную деятельность»; в других ротах и батальонах попадались иранцы, индусы, пакистанцы, сомалийцы, эфиопы, афганцы, а также какие-то странные типы неопределенной национальности. Правда, практически все офицеры были все-таки гражданами НДРЙ, но они почти поровну делились на сторонников президента Али Насера и приверженцев клана Абд эль-Фаттах. Андрей с трудом понимал, как такой взрывоопасный человеческий коктейль смог бы в случае необходимости выполнять боевые задачи, но пока все умудрялись сосуществовать довольно мирно – по крайней мере на первый, не очень глубокий, взгляд.

Палестинские инструкторы быстро влились в повседневную жизнь бригады. Капитан Сандибад начал преподавать личному составу рукопашный бой, Мастер учил ставить и обезвреживать мины, взрывные устройства и разные ловушки, а Профессор... С Профессором было сложнее. Угрюмый красивый майор, чье лицо несколько портили странные белые пятнашки, занимался только с офицерами и читал им какие-то лекции. О чем шла речь на этих занятиях, Андрей не знал – под разными предложениями русских тактично, но достаточно твердо в аудиторию, где работал Профессор, не пускали. Однажды Обнорский не выдержал и попросту, в лоб спросил комбрига Абду Салиха: что за лекции читает Профессор? Подполковник улыбнулся неподражаемой улыбкой, в которой одновременно таилось с десятков оттенков, и ответил:

– Он рассказывает об истории арабского народа... – И быстро перевел разговор на другую тему.

При всей своей таинственности и загадочности, палестинцы относились к Дорошенко и Обнорскому весьма доброжелательно, и Андрею было нетрудно сблизиться с ними, в основном, правда, с Мастером и Сандибадом. Помогло этому то, что палестинский диалект Обнорский понимал гораздо лучше йеменского, к тому же инструкторы были людьми достаточно образованными, говоря с Андреем, учитывали, что он всего лишь практикант, и старались произносить слова отчетливо и не так быстро, как йеменцы. Мастер не делал секрета из своих

³⁶ *Сандибад* – арабское произношение имени героя сказок, известного в нашей стране как Синдбад-мореход.

³⁷ *Сана* – столица Йеменской Арабской Республики (Северный Йемен).

занятий, Андрей ходил к нему каждый день и вскоре мог уже не только навскидку различать типы мин и взрывчатых устройств, не только устанавливать и снимать их, но и смастерить «бомбу» своими руками из подручных средств – в руках Мастера взорваться могло, казалось, что угодно, он показывал, как изготовить взрывчатку из мыла, стирального порошка, жидкого газа для заправки зажигалок... Его пальцы казались пальцами пианиста, но больше всего Андрея поражало невероятное спокойствие Мастера, когда он держал в руках разные штучки, способные разом уничтожить чуть ли не треть бригады... Мастер видел любопытство Обнорского, и ему это было, видимо, приятно – каждый профессионал нуждается в благодарном зрителе и слушателе, йеменцы же занимались не очень хорошо, часто отвлекались, зевали и на следующий день забывали половину из того, чему научил их инструктор. Но Мастер был терпелив и повторял одно и то же десятки раз, вырабатывая у своих учеников почти рефлекторный автоматизм...

С Сандибадом Андрей сошелся еще ближе. Как только у Обнорского зажили руки, он взял за правило начинать каждый день в бригаде с прохождения «тропы разведчика». Андрею нравилось ощущение растущей силы и ловкости, да и было у него какое-то странное предчувствие, какое-то предощущение, что все приобретаемые им в бригаде спецназа навыки очень скоро должны ему помочь...

Однажды Обнорский заметил, что за тем, как он проходит «тропу», наблюдает палестинский капитан. Андрей смутился, как будто его поймали за игрой в куличики в детской песочнице, однако в темных прищуренных глазах Сандибада не было даже тени насмешки. Палестинец внимательно разглядывал Обнорского, как будто решал для себя что-то. Потом он подошел к Андрею и абсолютно серьезно сказал:

– Ты убит.

– Что?! – растерялся Обнорский. – Я не понял... В каком смысле?!

– Смотри, – палестинец зашагал к объектам «тропы», – как ты преодолеваешь препятствия? Ты же живая мишень! Как ты перелезаешь через стенки? Хватаешься за край, подтягиваешься, высовываешься из-за стены по пояс... Если с той стороны идет стрельба, все пули – твои!

– А как надо?

Странное дело, Обнорский всегда был крайне самолюбивым парнем, болезненно переживавшим замечания и критику, однако Сандибад говорил настолько спокойно и доброжелательно, что гонор Андрея продолжал мирно спать. Сандибад молча снял с головы берет, сунул его сзади за ремень и все так же молча, без паузы и подготовки пошел по объектам. Он двигался не особенно быстро, но удивительно плавно и в то же время – резко, уверенно, сильно... Его движения, наверное, отличались от движений Обнорского в той же степени, в какой отличался бы бег по лесу матерого волка и пусть сильного, но домашнего городского пса. Для Андрея само прохождение «тропы» было в каком-то смысле целью, для Сандибада – только средством, и не более того. Целью для палестинца было – выжить, не позволить себе стать мишенью. У Обнорского по спине побежали невольные мурашки, когда он попытался представить себе, какую страшную школу пришлось пройти капитану, чтобы научиться так двигаться... Сандибаду было, видимо, немногим больше тридцати, но его очень старила густая проседь в черных, слегка выющихся волосах, поэтому при первом знакомстве он показался Андрею чуть ли не стариком. Однако этот «старик», легко пройдя «тропу», почти даже не вспотел и уж никак не качался, как Обнорский после своего дебюта. Глянув на изумленное лицо Андрея, Сандибад мягко улыбнулся в густые усы, а Обнорский неожиданно для себя попросил:

– Научи меня так же.

Капитан кивнул, как будто ждал этой просьбы, и с того дня начал свои индивидуальные занятия с Андреем. Теперь Обнорскому приходилось не просто бежать, ползти, прыгать и перекатываться по объектам «тропы», но и уклоняться от мелких камешков, которые метал

в него прячущийся за различными укрытиями Сандибад. Надо сказать, что палестинец Андрея не жалел – камни хоть и были мелкими, но летели с такой силой, что после их попадания на теле оставались заметные синяки...

Постепенно Сандибад начал показывать Обнорскому некоторые элементы странного рукопашного стиля – эти приемы не были похожи ни на один из известных Андрею видов единоборств, в них не было абсолютно никакой внешней красоты, но они были действенны и опасны, как боевой нож.

– Забудь о своем дзюдо! Это все танцы, – с легкой иронией советовал капитан Обнорскому, и Андрей даже не пытался с ним спорить – в самом начале он однажды попробовал потягаться с палестинцем (все-таки Обнорский был мастером спорта по дзюдо, а на тренировках в сборной «Буревестника» ребята показывали друг другу и кое-какие штучки, никак не относящиеся к спортивной борьбе). Сандибад, казалось, даже не сопротивлялся, – Андрей легко поймал его на прием и красиво перебросил через себя, но в тот момент, когда капитан уже падал на песок, на Обнорского вдруг навалилась мягкая тьма, и очнулся он, лежа на горячем песке и глядя в блеклое, словно застиранные джинсы, небо... Сандибад спокойно сидел рядом на корточках и курил. Увидев, что Андрей очнулся, палестинец вдруг неожиданно погладил его жесткой ладонью по волосам. – Твоя проблема в том, что ты запрограммирован на бой по правилам. А в настоящем бою их нет. Пока ты бросал меня, я мог убить тебя раз пять... Вставай.

Обнорский молча встал, мотая кружившейся головой. Палестинец глянул ему в глаза:

– Я бью тебя в голову – что ты делаешь? – Сандибад замедленно обозначил движение своей правой руки к голове Андрея, тот немедленно выставил левый блок. – Ошибка, – покачал головой капитан. – Забудь про блоки, ты должен бить сквозь удар. Блоки – это потеря времени, которого в бою нет. Твой удар должен быть единственным и окончательным. Смотри внимательно...

В тот день Андрей еле доплелся до комнатки советников, где обычно они с Семенычем приводили себя в порядок перед окончанием рабочего дня. Сандибаду он на прощание угрюмо сказал:

– Я никогда не смогу этому научиться.

Капитан рассмеялся и взъерошил Андрею волосы:

– Когда я начинал, я был старше, чем ты сейчас, и намного хуже подготовлен... Я не так уж многому могу тебя научить, как тебе кажется. Есть два более серьезных учителя, пусть Аллах убережет тебя от встречи с ними.

– Кто это? – вскинул голову Обнорский.

Сандибад улыбнулся своей странной, совсем невеселой улыбкой и ответил после короткой паузы:

– Первый учитель – это день, когда будут хотеть убить тебя, а ты сумеешь прожить его... А второй – это день, когда ты сам возьмешь чью-то жизнь. То, чему тебя могут научить эти два учителя, нельзя получить ни от какого сэнсэя-человека.

Палестинец о чем-то задумался, лоб его прорезала вертикальная морщина, а потом он медленно провел ладонью по лицу, словно стирая с него следы каких-то очень невеселых воспоминаний.

– Сандибад, – тихонько окликнул его Андрей, – почему ты согласился меня учить?

Капитан еле заметно вздрогнул, мотнул головой и сказал хрипло, глядя в сторону:

– Ты очень похож на моего младшего брата...

– Правда? – улыбнулся Обнорский. – Мне дома всегда говорили, что лицо у меня восточное. Это от отца, его даже в институте чеченом звали... А где твой брат сейчас?

– Он... умер.

Сандибад быстро пожал Андрею руку, резко повернулся и пошел прочь, а Обнорский долго смотрел ему вслед и думал о том, какое странное, двойственное впечатление производит палестинский капитан: с одной стороны, в нем чувствовалась доброта, доходящая почти до незащищенности, а с другой – страшная уверенная сила, потенциальная смертельная опасность...

Дорошенко был не в восторге от того, что Андрей столько времени проводил с палестинцами, ворчал, но ничего Обнорскому не запрещал, казалось, что после случившегося на его глазах конфликта с Грицалюком он начал немного побаиваться своего переводчика. Ничего не сказал Семеныч даже тогда, когда Сандибад подарил Андрею зеленую палестинскую форму. Форма была замечательной – легкой, с накладными карманами на брюках и на рукавах рубашки, ее можно было надевать прямо на голое тело, и она не драла, не царапала кожу, как родная камуфляжка Седьмой бригады. Обнорский так обрадовался подарку, что немедленно облачился в обновку, подсознательно представляя, какое впечатление он произведет на хабирских жен в Тарике.

После первого месяца воздержания Андрей заметил, что его мысли, о чем бы он ни думал, в конечном счете с маниакальным упорством сворачивают в сторону баб. Ничего удивительного в этом, в принципе, не было – ну о чем, интересно, может думать месяц не трахавшийся здоровый парень, которому совсем недавно стукнул двадцать один год? Между тем с женским полом налицо были явные проблемы – сложность сложившейся в этой сфере обстановки Обнорскому доступно растолковал Леха Цыганов накануне своего отлета на Соко-тру. К тому времени, когда Лехе и его советникам выделили наконец транспорт для убытия на их забытый Богом и Аллахом остров в Индийском океане, все остальные бригадные советники и переводчики уже разъехались по своим точкам. Леха и Андрей остались в каменной казарме одни, поэтому проводы Цыганова (самолет улетал утром) были совсем невеселыми. Леха от предвкушения тоски очередного долгого сидения на Сокотре пил как зверь и безостановочно матерился. Обнорский старался алкоголем не увлекаться, помня о том, что на следующий день его снова будет гонять Сандибад. Взгляд Андрея упал на плакат с полуголой дамой, прикрепленный к стене в Лехиной комнате, и Обнорский заегозил в кресле:

– Слушай, Леха, а как тут с бабами?

Цыганов влил в себя очередную порцию водки, судорожно закурил и ответил, гадко улыбаясь:

– С бабами, старичок, здесь хорошо. Вот без баб – плохо.

– Да я серьезно спрашиваю...

– А ты что, думаешь, я шучу? Очень плохо тут без баб, сперма на уши давит.

Андрей крикнул и решил тоже выпить. Запив водку апельсиновым соком, он отдышался и продолжил расспросы с деланным безразличием:

– Ну и как вы эту проблему решаете?

– Какую? – прикинулся валенком Леха.

– Ну эту... со спермой на ушах?..

– Что, Андрюха, приперло?

– Да нет, – в свою очередь дурканул Обнорский. – Это я так, из чисто этнографического интереса...

– Ну если из чисто этнографического интереса, то я тебе скажу как родному – бляди в Адене есть... Но! – Леха поднял вверх указательный палец и выдержал эффектную паузу, с садистским наслаждением глядя на замершего Андрея. – Но! Все, старичок, непросто. Диспозиция тут такая: основной боевой отряд аденских шлюх базируется в Шейх-Османи³⁸, есть

³⁸ Шейх-Осман – пригород Адена.

там милое местечко с душевным названием Дар-эс-Саад³⁹. И, в общем, не сказать, чтоб цены там были атомные – пять динаров всего за удовольствие. Но вот какие перед нашим братом проблемы встают: то, что эти бляди страшны, как вся моя жизнь, это еще ничего, нет некрасивых баб, бывает мало водки. Хуже другое – они почти поголовно болеют разными кошмарными болезнями, по крайней мере сами арабы так говорят... Но и это не самое страшное. С трудом, но в Адене можно найти гандоны. Серьезнее другое: для того чтобы потрахаться, здесь нужна машина – подъезжаешь, снимаешь, увозишь, трахаешь, привозишь. У нас с машинами печально. Это один аспект проблемы. Второй заключается в том, что, если тебя возьмут за жопу – грубо говоря, засекут или заложат, – как говорится, пишите письма мелким почерком: Союз, волчий билет, кандалы – каторга – Сибирь. Прецеденты были. Месяцев пять назад один хабир из Бадера⁴⁰ приволок к себе домой шармуту⁴¹. И по причине невероятной своей чистоплотности погнал эту красавицу в душ. Но хабир есть хабир – мыла нормального он ей дать пожмотничал, отсыпал полстакана китайского стирального порошка... Потом все было нормально, ночь любви, туда-сюда, а через день эта шлюха явилась к заму Главного жаловаться – у нее вся кожа пошла чирьями, она решила, что хабир ее чем-то заразил. Это уже потом выяснилось, что у нее было банальное раздражение от китайского порошка... Ну а хабира, ясное дело, выслали... Второй кошмарный случай был у нас в Тарике – месяца за два до твоего приезда был тут переводяга один, Юрка Белоусов, лейтенант из мгимошников. Этот умудрился с одной здешней мадам столкнуться – она от гарнизона недалеко живет. Юрика сгубила жадность. Он за любовь расплачивался стульями из ленинской комнаты – в Йемене, как ты знаешь, лесов нет, дерево на вес золота, а стулья в нашей ленинской комнате раньше все были деревянными, из Москвы привезенными. Юрка каждый раз, когда ночью на свидание шел, два стула с собой прихватывал в качестве гонорара. На них, кстати, и трахался. Ему бы вовремя остановиться – да увлекся пацан, осторожность потерял. А наш замполит товарищ Кузнецов заметил, что стулья из ленинки пропадают, ну и устроил засаду – у замполита времени-то вагон, сам понимаешь. Он днем спал, а ночью караулил и выследил Юрку все-таки... Скандал был жуткий, поскольку стулья были не откуда-то, а из ленинской комнаты. Юрику сгоряча чуть было даже политику не пришили, но потом решили обойтись одной аморалкой – парню-то все равно хватило, его отсюда с такой сопроводилкой выслали – ни одна тюрьма не примет...

Леха прервал свою лекцию для приема очередной дозы, видно было, что он тоже разволновался.

– Ну и... – поторопил его Обнорский, подождав, пока Цыганов заест водку ложкой кабачковой икры.

Леха вытер рот ладонью и продолжил:

– Ну и жопа полная... В принципе, в гарнизоне полно хабириш. Некоторые бабы месяцами не видят своих мужиков, которые в бригадах торчат, – сам понимаешь, можно было бы тут попробовать чего-нибудь поймать... Но тут другая проблема – этическая. Кстати, не смейся, это я серьезно. Понимаешь, не принято тут так – свои же не поймут. Прикинь – мужик в бригаде парится, неизвестно, вернется в Аден живым-здоровым или нет, а ты с его бабой трахаешься... Совсем запахло получается...

– Ну а как же проблему решаете-то?! – чуть было не взорвался Обнорский, заподозрив, что Леха снова начал над ним глумиться.

Однако Цыганов был абсолютно серьезен:

³⁹ Дар-эс-Саад – Двор счастья (арабск.).

⁴⁰ Бадер – второй гарнизон советских офицеров в Адене, в нем проживали в основном офицеры ВВС и ВМФ.

⁴¹ Шармута – проститутка (арабск.).

– Не ори, не дома. И дома, кстати, не ори. На безрыбье, Андрюха, как ты понимаешь, и рак рыба, на бесптичье и жопа – соловей, а на безбабье... на безбабье и кулачок – блондинка...

Леха тяжело вздохнул и снова налил себе водки в стакан. Обнорский в полном обалдении усталился на него и надтреснутым голосом прояммлил:

– Не понял... В каком смысле?

Цыганов выпил и со снисходительной мудростью старшего товарища пояснил:

– В том смысле, что «да здравствует мыло душистое и полотенце пушистое» – все в душ. И там тихо сам с собою, левою рукою... Только так.

– Не может быть!!! – подскочил в кресле Андрей.

Леха усмехнулся, хотел было что-то объяснить, но сил у него хватило лишь на то, чтобы выразительно махнуть рукой и уснуть прямо в кресле.

Лекция Цыганова тягостно подействовала на психику Обнорского, и он начал бороться со своими нормальными мужскими желаниями увеличением физических нагрузок во время тренировок в бригаде. Тем не менее подсознательно Андрей все же пытался произвести какое-то впечатление на женщин гарнизона в смутной, полупризрачной надежде на то, что «вдруг что-нибудь да обломится». Потому так и обрадовался Обнорский подарку Сандибада – зеленая палестинская форма ему определенно шла. Впрочем, пощеголять в ней Андрей не успел – буквально в первый же день, вернувшись из бригады в обновке, Обнорский нарвался на заместителя Главного военного советника по политической части полковника Кузнецова, замполит сразу поставил Андрея по стойке «смирно» и долго распинался на тему «единообразия установленной формы одежды». Кузнецову делать в Тарике было особенно нечего, поэтому он радовался малейшей возможности употребить власть в отношении «любимого личного состава». Пропесочив Обнорского вдоль и поперек, замполит приказал немедленно переодеться, закончив выволочку фразой:

– А то ишь палестинец какой выискался!

Поскольку товарищ полковник «имел» Андрея прямо посреди гарнизона, многие эту сцену наблюдали, и с того дня к Обнорскому прочно прилепилась кличка Палестинец. (Кстати сказать, его многие йеменцы принимали за палестинца: во время нечастых вылазок в Аден торговцы в Кратере⁴² так и зазывали его к себе: «Йа Фалястини, йа Фалястини! Идхуль бнаш-рибу, ш-шай!»⁴³) Ну а форму, подарок Сандибада, пришлось Андрею спрятать на дно чемодана, как он думал – до возвращения в Союз. Судьба потом распорядится иначе, и если бы Обнорский заранее знал о ее жестоком капризе – он, возможно, просто сжег бы свою палестинку... А может быть, и нет... Да и что толку гадать на тему: а что было бы, если...

Дни мелькали с удивительной быстротой, похожие один на другой, но скучать Обнорскому было вовсе некогда – вначале декабря из Союза прибыл наконец старший советник командира бригады подполковник Громов. Этот абсолютно квадратный (по габаритам) офицер до прибытия в Йемен занимал должность начальника штаба Изяславской бригады спецназа.

Громов с первого же дня дал понять Семенычу и Обнорскому, что с ним «не пропадешь, но горя –хватишь». Представившись своим новым подчиненным по званию и фамилии, Громов честно предупредил:

– Драть буду обоих – как котов! – После чего помолчал, подумал немного и добавил: – Но называть меня можете Дмитрием Геннадиевичем...

На самом деле старший советник оказался вовсе не таким уж грозным солдафоном, каким хотел казаться, – он даже приятно поразил Андрея своей начитанностью, которая, впрочем, объяснялась просто: жена Дмитрия Геннадиевича всю жизнь проработала в школе учительницей литературы и русского языка. Видимо, от нее Громов перенял страсть не только

⁴² Кратер – торговый район Адена.

⁴³ Эй, палестинец, эй, палестинец! Заходи, чаю попьем! (Арабско-йеменский диалект.)

к чтению, но и к писанию – он с ходу начал заваливать командование бригады письменными методическими разработками и рекомендациями, которые Андрей должен был переводить на арабский в письменном же виде. Работы у Обнорского резко прибавилось, но он не жаловался – чем больше на него наваливали, тем быстрее проходил день, да и в освоении языка у Андрея наметились явные успехи: к новому, 1985 году, он, конечно, еще не владел арабским в совершенстве, но говорил и понимал уже вполне сносно.

Второй страстью Дмитрия Геннадиевича была стрельба. Именно с подачи Громова ускоренными темпами в бригаде закончилось оборудование огневых рубежей и началась ежедневная подготовка. К тренировкам Обнорского с Сандибадом старший советник относился почему-то иронически, часто повторяя:

– Запомни, Андрюша, самый лучший прием в бою – это автомат Калашникова.

Стрелял подполковник действительно классно – с обеих рук и из любых положений, практически из любых видов стрелкового оружия. Он же начал стрелковое обучение личного состава бригады по сложной программе – стрельба лежа, стоя, сидя, на бегу, днем, ночью, по звуку, по силуэту, по шороху... Поскольку Андрей присутствовал на каждом занятии и переводил наставления Громова, то и сам смог вдоволь попрактиковаться, довольно прилично освоив вскоре автомат, пистолет, ручной и станковый пулеметы, а также гранатомет РПГ(Д) и безоткатное орудие Б-10.

Успехи Обнорского признал даже не склонный к комплиментам Громов. Однажды, когда Андрей сумел пройти «тропу разведчика» со стрельбой из автомата и двух пистолетов – и не просто прошел, а поразил все мишени, да еще сэкономил патроны, – подполковник только крикнул:

– Тебя так погонять еще – глядишь, и нормальный десантный офицер получился бы. Мог бы бросить свои иероглифы и служить как нормальные люди...

Иероглифами Громов называл арабскую вязь переводов.

Как ни странно, больше всего Обнорский выматывался не на практических, а на теоретических занятиях: Дмитрий Геннадиевич читал офицерам лекции по тактике, а Андрей потел от огромного количества незнакомых терминов, значения которых он и по-русски-то не очень понимал. Но Громов, как ни странно, оказался мужиком терпеливым и способным к пояснениям, не то что один советник из Шибама, который, говорят, орал на своего переводчика-таджика: «Как я тебе, мудаку, объясню, что такое рекогносцировка, если это слово и так понятное?! Рекогносцировка – это ре-ког-нос-ци-ров-ка! Понял?»

Не мучил подполковник Андрея и дурацкими хабирскими вопросами типа: «Если в арабском языке нет мягкого знака, то как же ты переводишь слово «конь»?» Обнорскому вообще иногда казалось, что солдафонство Громова – это всего лишь маска, удачно выбранный способ существования... Впрочем, вполне могло стать, что на самом деле подполковник был еще более непростым – пару раз почудилось Андрею, что Громов понимает арабскую речь, но, с другой стороны, это могло быть всего лишь игрой воспаленного воображения, постепенно въедающейся в кровь привычки предполагать в любом малознакомом человеке двойное-тройное дно. Мощный импульс для развития такого взгляда на окружающих его людей дал палестинский майор Профессор. Однажды он подошел к Обнорскому, долго оживленно говорил ни о чем, а потом, изменив интонацию, вдруг сказал медленно и отчетливо на классическом литературном арабском:

– Нам очень трудно – мы ждем писем, но никто не пишет... Это большая проблема, когда долго нет писем от друзей. Начинает казаться, что друзья просто забыли про тебя...

– Какие друзья? – растерялся Обнорский.

Профессор улыбнулся в ответ и сказал так же медленно и отчетливо:

– У каждого человека есть друзья. Или были в прошлом. Важно понять – были они или есть...

Обнорский понял, нет, скорее, почувствовал, что за этими словами кроется какой-то подтекст, прочитать его он, естественно, не смог, но в тот же день пересказал дословно разговор Царькову. Комитетчик никак своего удивления не выказал, но нахмурился и долго сидел молча, о чем-то напряженно размышлял. Пару раз он оценивающе окидывал взглядом Обнорского и наконец сказал:

– Им действительно тяжело: палестинцы – люди без родины. Не дай Бог никому такого. Вы, Андрей Викторович, должны морально поддерживать этого Профессора, скажите ему как-нибудь невзначай, что у вас те же самые проблемы – перебои с почтой из Союза, то да се, но, несмотря на задержки с письмами, вы в своих друзьях уверены, а письма – письма просто в пути...

Андрей удивленно поднял взгляд на комитетчика и сначала хотел было его спросить: зачем, мол, ему говорить про своих друзей Профессору, – но в последний момент он почему-то передумал и просто молча кивнул. Царьков еще некоторое время испытующе смотрел на Обнорского, анализировал выражение его глаз, потом доброжелательно улыбнулся:

– Вы способный человек, Андрей Викторович. У вас есть все данные для... Для хорошей карьеры. И главное – я слышал, что вы совсем не болтливы. Это качество особенно редко встречается у современных молодых людей...

На следующий день Профессор вновь подошел к Обнорскому, и Андрей поведал ему про свои проблемы с почтой от друзей. Кстати, сказал он палестинцу чистую правду: заканчивался уже второй месяц его пребывания в НДРЙ, а он еще не получил из дому ни одного письма, хотя свой йеменский адрес отослал родным и друзьям буквально сразу же. (Этот «йеменский» адрес был весьма занятным – Москва-500, п/я 717-«Т».)

Профессор после слов Обнорского повеселел и закончил разговор фаталистической арабской притчей:

– Куллюна фи йад-улла⁴⁴.

Обнорский, естественно, не задавал никаких вопросов Профессору, но с этого момента он не сомневался, что между палестинским майором и Царьковым существовала некая странная связь, позже он окончательно утвердился в этом: Профессор подходил к Андрею еще несколько раз и говорил какие-то малозначащие фразы, выделяя их значительностью интонации. Царьков, после того как Обнорский пересказывал ему эти фразы, обязательно «советовал», что сказать в ответ. Как ни был Андрей несведущ в разных шпионских играх, но и то сразу догадался, что у Царькова с Профессором идет странный диалог, в котором Обнорскому уготована роль почтового ящика.

Андрей долго недоумевал, почему его, неопытного практиканта, включили в какую-то явно серьезную игру, но потом понял, что у Профессора с Царьковым, видимо, просто не было другого выхода, – палестинские инструкторы жили в бригаде практически безвыездно, словно опасались чего-то... Постичь смысл диалога Обнорский даже не пытался, но интуитивно ему казалось, что Профессор все время спрашивает о чем-то Царькова, а комитетчик просит подождать и не волноваться.

Впрочем, вскоре и этот непонятный разговор палестинского майора и русского комитетчика потерял для Андрея остроту новизны, стал привычной и немного скучной обязанностью, более того, поскольку ничего экстраординарного не происходило, Обнорский начал относиться к пустым, но многозначительным фразам Царькова и Профессора иронически, как к неинтересной игре, в которую вдруг решили поиграть впавшие в детство серьезные дяди.

Кстати говоря, похожие чувства Андрей начал испытывать и ко всей окружавшей его действительности. Все ему казалось немного театральным, декоративным, как будто взрослые люди, сговорившись, напустили на себя важность, таинственность и озабоченность, играя

⁴⁴ Все мы в руке Аллаха (арабск.).

на самом деле в широкомасштабную версию «Зарницы». Происходящая переоценка была естественной – ни в Седьмой бригаде, ни в Адене ровным счетом ничего интересного или опасного не происходило, поэтому острое чувство тревоги, нахлынувшее на Андрея в день его прилета в Йемен, постепенно почти полностью исчезло. Но, как оказалось, ненадолго.

Сразу после Нового года (его в Тарике отметили шумно и очень по-русски – весь гарнизон перепился до зеленых соплей), через неделю, после того как бригадные группы разъехались по своим точкам, Илья и двое советников из Эль-Анада незапланированно вернулись в Аден. Причина их возвращения была веской – они привезли с собой труп.

Подполковника Смирнова, советника по артиллерии командира Эль-Анадской бригады, в Тарике за глаза звали Слоном – отнюдь не за его габариты, кстати. Просто Смирнов был жутким матерщинником, он не мог не употреблять сильных слов даже в присутствии женщин, а особо любимым его выражением почему-то было словосочетание «ебанный слон», которое он употреблял минимум дважды в одном предложении.

Чем досадило добродушное животное подполковнику, так и осталось для всех загадкой, потому что вечером 8 января 1985 года кто-то всадил Смирнову одну пулю из пистолета в лицо и две – в спину, на добивание. По официальной версии, это произошло, когда Смирнов перед сном вышел из хабирского трейлера и решил прогуляться по пустыне. Труп советника обнаружили только на следующий день, когда ветер уже наполовину занес его песком, – ни о каких следах вокруг тела, естественно, не могло быть и речи. Йеменская сторона принесла свои глубокие сожаления и соболезнования, но при этом настаивала на чисто уголовной трактовке случившегося: дескать, подполковника пыталась ограбить какая-то случайно оказавшаяся в нужное время в нужном месте шайка бандитов. Однако абсолютно неясным в этой версии оставалось одно обстоятельство – какого черта подполковник поперся в пустыню на ночь глядя?

Поскольку вопрос этот буквально вертелся на языке, Обнорский не удержался и задал его Илье, когда вечером во время импровизированных поминок по Слону они вышли перекурить на террасу. Илья, казавшийся абсолютно трезвым, несмотря на большое количество выпитого, весь перекосялся от этого вопроса, долго матерился, а потом ответил с горечью:

– Да с агентом он ходил встречаться, с агентом... Сволочи, Господи, какие сволочи...

Андрей не понял, кого Илья называл сволочами – йеменцев, выдвинувших версию уголовно-бытового убийства, или советское командование, принявшее эту версию, – но уточнять не стал...

Новоселов в тот вечер напился до такого состояния, в каком Андрею его видеть раньше не приходилось: ближе к полуночи речь Ильи стала абсолютно бессвязной и бессмысленной, русские слова он мешал с арабскими и английскими, то всхлипывал, то смеялся и никак не хотел ложиться спать. Потом он вроде бы как протрезвел внешне, достал из-под кровати свой вещмешок, порывшись в нем и вытащил пистолет Макарова, деловито передернул затвор и сказал Андрею, что сейчас вернется, только вот сходит к «одному человеку» сказать «спокойной ночи».

Обнорский еле успел оттащить Илью от дверей, пистолет тот отдавать не хотел, начал сопротивляться, и Андрею пришлось тихонько выключить его одним надежным, перенятым у Сандибада способом... Утром Новоселов ничего не помнил, благодарил Обнорского, извинялся, а в ответ на все вопросы только морщился и матерился...

Правду говорят, что беда никогда не приходит одна, – не успел Илья с оставшимися двумя советниками вернуться в Эль-Анад из Хоши, местечка близ условной границы с Саудовской Аравией, пришел транспортный борт, принесший двух тяжелораненых советников из бригады Аббас, прикрывавшей Хошу от набегов муртазаков из Армии освобождения Южного Йемена. Советники подорвались на mine, установленной по дороге от их хижины до штаба

бригады, – мина явно была установлена кем-то ночью, потому что накануне по этой тропинке ходили десятки людей...

Андрей уже после случая со Смирновым утратил чувство безопасности, ранение советников из Хоши заставило его проснуться окончательно, но трагедии сыпались на советский военный гарнизон уже почти непрерывно. В начале февраля на границе с Оманом пропал без вести переводчик из Душанбе Рустам Умаров. Поиски ничего не дали, недавно окончивший душанбинский университет парень словно растворился в песках: то ли его убили и закопали, то ли увели с собой (у муртазаков голова переводчика ценилась иногда даже выше, чем голова советника, – в том случае, конечно, если эта голова еще могла говорить), то ли он сам свихнулся и ушел в пустыню. Старики в тех местах говорили, что время от времени такое случается, далекие барханы начинают вдруг манить к себе человека, и он, потерявший волю и разум, бредет за миражами до тех пор, пока не упадет и не начнет жадно пить горячий песок, принимая его за воду... В принципе, этот особый, «пустынный» вид безумия излечим – нужно только вовремя поймать заболевшего, связать его крепче и дня три кормить и поить насильно, тогда пустыня может и отпустить свою жертву...

15 февраля ночью неизвестные выпустили несколько пулеметных очередей по Тарику с одной из вершин двуглавой горы Шамсан (Аден находится как бы в полукольце потухших вулканов), никто от этой стрельбы в гарнизоне не пострадал. Несколько пуль попало в стены домов, не разбив даже оконных стекол, но этого оказалось достаточно, чтобы убедить советский военный контингент в том, что кто-то в Йемене сознательно и целенаправленно обостряет обстановку, пытаясь подтолкнуть советское руководство к занятию более четкой позиции во все более и более обостряющемся конфликте между сторонниками президента Али Насера и приверженцами Абд эль-Фаттах Исмала.

И та и другая сторона явно нуждались в официальной поддержке СССР, где, похоже, все никак не могли решить, на какую лошадку поставить. Шла подковерная и закулисная игра в большую политику, где разменными пешками выступали советские военные и гражданские советники и специалисты, а также их семьи. Впрочем, многие из них тогда еще не понимали, что фактически уже стали заложниками...

Хуже всего было то, что по каналам разведрезидентур в Москву шла просто взаимоисключающая информация, в результате чего в Центре де-факто, видимо, было принято решение заигрывать сразу с обеими противостоящими сторонами, чтобы окончательно определиться в своих симпатиях тогда, когда окончательно станет ясно, кто из двоих сильнее... Фактически эта двурушническая политика Советского Союза подталкивала Южный Йемен к большой крови гражданской войны, но кого это могло интересовать в Москве тогда, в начале 1985 года? Черненко уже умирал, а Горбачев еще не взял бразды... Проблемы маленькой арабской страны на юге Аравийского полуострова были такой мелочью...

20 февраля вечером в Салах-эд-Дине⁴⁵ автомобиль без номерных знаков сбил возвращавшегося из кино домой полковника Белокопытова, советника командира местной танковой бригады. Травмы у советника оказались настолько серьезными, что его, так и не пришедшего в сознание, пришлось срочно эвакуировать в Москву.

После случая с Белокопытовым в советском контингенте чуть ли не в открытую заговорили о начале охотничьего сезона на русских, и в Тарике постепенно стала раскручиваться естественная в таких случаях истерия. Обнорский (так же, наверное, как и многие другие) инстинктивно чувствовал растущий страх перед неумолимо надвигающимся взрывом. Однажды он не выдержал и во время очередной встречи с Царьковым спросил комитетчика в лоб: понимают ли в Москве складывающуюся в Южном Йемене ситуацию? Царьков невоз-

⁴⁵ Салах-эд-Дин – пригород Адена.

мутимо ответил, что в Центре знают все, посоветовал держать себя в руках и не реагировать на провокации.

Между тем не реагировать на эти самые провокации становилось все труднее. 2 марта в Седьмой бригаде спецназа проходили очередные учебно-тренировочные прыжки с отработкой стрельбы холостыми патронами с воздуха. Командир бригады Громов, Дорошенко и Обнорский на этот раз сами не прыгали, а наблюдали за десантированием двух взводов, сидя в пустыне за тремя специально привезенными столами и попивая кофе.

Сначала все шло как обычно: в блеклом небе открылись первые белые купола, еле слышно загавкали с высоты автоматы... Вдруг прямо перед столами «центра управления прыжками» взметнулись фонтанчики песка ровной пунктирной линией, а мгновение спустя такие же фонтанчики прыснули сзади и слева метрах в трех от пластикового кресла, на котором покачивался Андрей с чашкой в руке.

Все замерли. Первым сообразил, что происходит, подполковник Громов. Он аккуратно поставил чашку на стол, сказал спокойным голосом: «Полундра!» – и в стремительном кувырке прямо со своего кресла ушел вперед и вправо от столов. Остальные словно дожидались этого сигнала – прыснули кто куда, Обнорский потом не мог вспомнить, как оказался вместе с Семейным под грузовичком, привезшим их в пустыню...

Пулевой дождь с неба прекратился так же неожиданно, как и начался. Стоит ли говорить, что расследование этого инцидента также ни к чему не привело? Определить, кто из двадцати пяти десантников, находившихся в воздухе, обстрелял боевыми патронами советников и комбрига, не удалось. У всех приземлившихся на стволы автоматов были накручены так называемые компенсаторы, исключавшие возможность стрельбы боевыми патронами... Но Обнорскому показался не случайным факт, что рядом с советниками и комбригом в то утро не сидел замполит майор Мансур, – накануне он сказался больным и не выезжал из бригады на прыжки...

Впрочем, уже через три дня после этого более чем странного инцидента стало не до выяснения причин и предпосылок его возникновения: днем 5 марта стало известно, что Северный Йемен выкинул десант на территорию Южного Йемена.

Собственно говоря, местечко Шакр, захваченное северянами, считалось спорной территорией, поскольку граница между ЙАР и НДРЙ не была декларирована. В некоторых населенных пунктах приграничья понятие принадлежности к одному или другому государству было весьма условным. По негласному уговору, эти деревушки были на особом статусе – «не наши и не ваши», но южане на своих картах всегда рисовали условную границу несколько севернее Шакра...

По большому счету, и этот Шакр был никому не нужен – там проживали всего около полутора сотен полуседлых бедуинов, промышлявших в основном мелкой контрабандой, и не стали бы его северяне никогда захватывать, если бы не одно обстоятельство. Когда-то давно в этих примерно местах англичане вели геологоразведочные работы, которые в конце концов увенчались-таки успехом – британцы нашли нефть. Но нашли они ее несколько не вовремя – шел 1967 год, Англия уходила из Йемена.

Все следы геолого-разведочных работ были тщательно уничтожены, а местные жители, помогавшие английским геологам, исчезли неизвестно куда... Остались только легенды о необычайно богатом месторождении, которыми тешило себя бедное как церковная крыса правительство НДРЙ. Однако со временем этими легендами заинтересовались «друзья» из Советского Союза, направившие в Южный Йемен целый отряд геологов. (В Адене даже был такой городок советских геологов – в районе Хур Максар.)

Советские ученые несколько лет бродили по безжизненным йеменским пустыням, ища эту распроклятую нефть, как мифические копии царя Соломона, – никто уже не верил

в успех, когда в конце февраля 1985 года малочисленная, не основная экспедиция наткнулась-таки на месторождение как раз невдалеке от этого самого Шакра...

Ничего сверхъестественного в том, что координаты нефтеносного пласта стали известны в Санае в то же самое время, что и в Адене, не было. Геологи ведь не работали в режиме абсолютной секретности, наоборот, они активно общались с местным населением, покупая у него дешевые контрабандные шмотки из «капиталистического» Йемена, а контрабандисты народ такой, что среди них почему-то всегда оказывается масса агентов самых разных разведок, иногда вообще даже экзотических...

Пока в Адене тихо балдели от неожиданной радости, северяне выкинули в этот самый Шакр батальон из трех рот глубинной разведки и заявили, что «город Шакр всегда был исконной северной провинцией». В Адене к такому заявлению отнеслись очень нервно и потребовали немедленно отвести войска. Сана это требование проигнорировала, а батальон, занявший Шакр, начал усиленно окапываться и оборудовать линию обороны.

Тогда президент Южного Йемена совсем рассвирепел и, грохнув по столу кулаком, повелел немедленно уничтожить «захватчиков и оккупантов», в чем его, кстати, с трогательным единодушием поддержала вся оппозиция. Чтобы северяне много о себе не думали, им решено было показать, что в Южном Йемене тоже есть десантные войска, поэтому почетная обязанность «отразить вероломную агрессию» была возложена на Седьмую бригаду спецназа. Но поскольку даже самые горячие головы в аденском генштабе понимали, что Седьмой бригаде всего несколько месяцев и она пока может только на параде пройти (и то, если честно, довольно хреново), десанникам были приданы для усиления еще пять рот курсантов офицерского колледжа в Салах-эд-Дине и Восьмая танковая бригада, базировавшаяся там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.